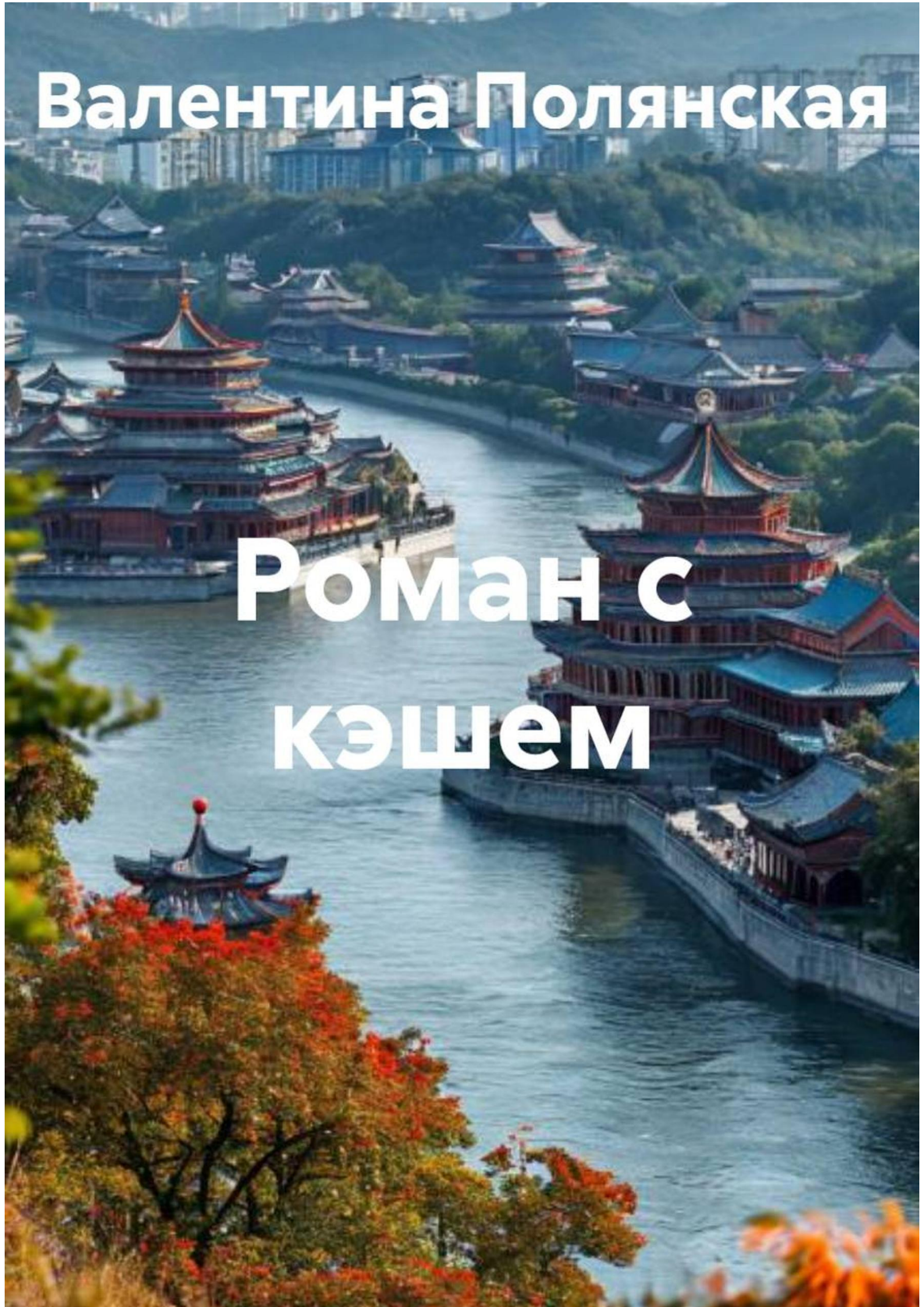

Валентина Полянская

**Роман с
кэшем**

Валентина Полянская

Роман с кэшем

«Автор»

2026

Полянская В.

Роман с кэшем / В. Полянская — «Автор», 2026

Бизнес - это... Авантюра? Азарт? Да, это приключения! Мозговой штурм! Риск! Когда рискуешь не бантиками-фантиками, не денежками-тугриками. Ценой риска может стать жизнь. А ещё это схватка с самым изощрённым, жестким китайским бизнес-партнёром. И просто жизнь в предлагаемых обстоятельствах. Бесшабашный режиссёр под названием "лихие 90-е" диктует свои условия двум дилетантам хабаровчанам, семейной паре - бывшему клерку статуправления Эмме Васильевне и переводчику-китаисту Тимуру Аркадьевичу. Рубикон уже пройден. Что ждёт Никитиных на ухабистых дорогах предпринимательства? Как сложится их роман с кэшем?

© Полянская В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мебельный штурм	5
Глава 2. Мышеловка	8
Глава 3. Как попёрло, так попёрло	9
Глава 4. Небо в алмазах	13
Глава 5. Рога и копыта	17
Глава 6. Кому сито крупно, а кому и решето мелко	19
Глава 7. «Заграница нам поможет»: Здравствуй, мама-Азия!	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валентина Полянская

Роман с кэшем

*Всюду деньги, деньги, деньги,
Всюду деньги, господа.
А без денег жизнь плохая,
Не годится никуда¹.*

Глава 1. Мебельный штурм

После неспешных, ленивых выходных наступили кипучие будни. Дверь в кабинет фирмы «Меридиан» не закрывалась ни на минуту. Коммерческие предложения сыпались горохом. Вот опять деловое тулово залетело:

- Цистерна спирта не нужна?
- Ты его пил? – не оборачиваясь, спросила замдиректора Эмма Васильевна.
- Первак! Девяносто градусов!
- Где стоит?
- На Втором Хабаровске!
- В пятницу стояла на Корфе².
- Это другая!
- А в четверг – на Сенной. Не нужна, – подвела итог разговору главбух Инна Петровна.

Следом за туловом заглянула говорящая голова:

- Девчонки, срочно нужно пять тысяч тонн мазута!
- Куда тебе столько?
- Да не мне, китайцам! Они и больше возьмут!
- А, завтра заходи, начальника нет, – решила пошутить секретарь Тамара Георгиевна.
- Тамара Георгиевна, он же теперь не отстанет! – с укоризной сказала Эмма Васильевна,

заместитель директора компании.

– А мы его попросим банковскую гарантию принести, – пришла на помощь секретарю главбух Инна Петровна.

- Пиломат есть? – всунул голову в дверь очередной коммерсант.
- «Пило» точно нет, а вот «мат» сейчас будет, – не сдержалась Эмма.

А этот не деловой, этот проситель, зашёл целиком. Нервный какой-то, загнанный.

– Я разработал оригинальный цирковой номер, нигде в мире такого нет, не могли бы вы оказать нам материальную помощь...

Это кого он решил своим цирковым номером удивить? У нас вся страна теперь – сплошной цирк. Фокусник на фокуснике. И все из воздуха пытаются деньги делать. Чудак, нашел, у кого просить, они ж сами бедны, как церковные мыши.

– В данный момент мы не можем оказать вам материальную помощь, – прервала Эмма Васильевна циркача.

Тот затравленно-обозленно уставился на Эмму. Видно, это не первый отказ. В глазах просителя было не разочарование, нет – ненависть. Классовая. К буржуям. Которые расплодились по всей стране и не желают делиться своим богатством с ними, трудягами.

- Инна Петровна, закрывайте дверь на швабру! – обозлилась и Эмма.
- А если к нам?

² Посёлок Корфовский, назван в честь барона Корфа. Хабаровский край.

– Постучат.

Наконец-то тишина, можно делом заняться. Эмма Васильевна, приткнувшись к подоконнику, пыталась составить план работы на ближайшие две недели. А, какая тут работа, когда в кабинете, арендованном ими у Дальстроя, всего один стол! На всех. Так что можно хоть на десяти листах писать первоочередную задачу:

КУПИТЬ СТОЛЫ – КУПИТЬ СТУЛЬЯ
КУПИТЬ СТОЛЫ – КУПИТЬ СТУЛЬЯ...
ДОСТАТЬ СТОЛЫ!!! ДОСТАТЬ СТУЛЬЯ!!!

Только вот где? В магазинах пусто. Тут не до мебели, на продовольствие карточки ввели. На днях Эмма зашла в Центральный гастроном – соли купить. Так с неё спросили карточки на соль! Эмму буквально затрясло:

– На соль?! Карточки? У нас что, война?!

Долго не могла прийти в себя. Докатились. Хотя, может быть, и к лучшему: по крайней мере точно получишь свою «пайку». Соцлагерь превратился в концлагерь? Так что какая тут мебель. И всё же... Проблема есть – проблему надо решать. И Эмма продолжила мозговой штурм по поводу треклятых столов, в пол-уха слушая бесконечный женский разговор сотрудниц.

Вот поди ж ты, разные они, Инна Петровна и Тамара Георгиевна, и по возрасту – секретарю за сорок, а главбуху тридцать пять, – да и по образованию, воспитанию меж ними пропасть – а ведь находят общие темы для бесед!

Инна – простушка. Шишковатый нос, широкие малоподвижные губы и большие голубые, чуть на выкате глаза, в которых, как ни старайся, не увидишь ни второго-третьего дна, ни потайных карманов с тёмными запаusername, выдавали натуру открытую и доброжелательную. И сострадательную. Инна благодаря своей общительности имела множество подруг-приятельниц и в любых чужих затруднениях была готова и рада помочь. А на Тамаре Георгиевне лежал многослойный лоск культуры, воспитания Востока – нет, не того, дальнего, а нашего, близкого, кавказского.

Ладно, пусть болтают, работы всё равно пока нет. И тут Эмму Васильевну осенило:

– Девчонки! Вспомнила! У меня же однокурсница недавно вышла замуж, и у её нового мужа родственник – главный инженер нашей мебельной «Зари»! Всё! Звоню!

Вот только однокурсницу-однорукшниццу Эммину как будто подменили. Что ж, она теперь птица высокого полёта, и муж почти профессор, и родня при должностях.

– Да-а, не знаю, – недовольно-холодно тянула Ольга слова. – Через неделю мы с Романом Яковлевичем встречаемся, я спрошу.

– Да некогда мне неделю ждать! Завтра к нам делегация из Новосибирска приезжает, а мы тут на полу сидим.

– Ну, хорошо, – снизошла Оля, – я тебе перезвоню через час-полтора.

Эмма не ошиблась в предчувствиях: не позвонила – ни через час, ни через два. Звонить самой Роману Яковлевичу ей никак не хотелось. Знакома Эмма была с главным инженером «Зари». Роман Яковлевич дружил с соседями Эммы и Тимура Никитиных, и несколько раз в праздники они встречались за общим столом. Высокий, тощий, довольно уже пожилой мебельщик вздумал приударить за Эммой. А она посмеялась да и всё. И теперь – звонить? Но ради дела...

– Роман Яковлевич, это Эмма Никитина...

– Кто? Не припомню такой, – забыковал главный инженер.

– Я звоню от Ольги Бузыкиной.

Никакой реакции.

– Ладно, это неважно, помните вы меня или нет. Скажите, ваша фабрика столы выпускает?

– Нет, сейчас только диваны.

Что и требовалось доказать. Нет у них столов. Но на этом история не закончилась. В конце рабочего дня неожиданно позвонила Ольга:

– Как ты могла? – хорошо поставленным голосом с трагедийным пафосом спросила однокурсница. – Через мою голову! Роман Яковлевич – а это с придыханием – спрашивает меня, кто такая Никитина, а я... у меня язык в ж...

– Где, ты говоришь, твой язык? – прервала Эмма античную трагедию. – В ж...? Вот пусть там и остаётся. Ему там место. И больше не смей меня отчитывать, как школьницу!

Эмма бросила трубку. С античными трагедиями покончено. А столы-то где брать?!

– Тамара Георгиевна, в военторге ничего не предвидится?

– Нет, пока ничего, – отозвалась Тамара Георгиевна, у которой муж был замом начальника тыла военного округа.

– Тогда последняя надежда на вас! Пусть Сталемир Иванович одолжит нам еще пару столов и штук восемь стульев. Вам он не откажет.

Ещё бы! Кто может устоять перед Тамарой! Улыбчивая, яркая, и в то же время мягкая и уютная при аппетитных округлостях зрелой сорокапятилетней женщины, горянка могла прекрасными грузинскими глазами растопить не то что айсберг, а Ледовитый океан. Таяли перед ней все, независимо от пола и возраста. И Сталемир Иванович, комендант Дальстроя, не избежал этой участи, растекался, как масляный блин, при встрече с Тамарой Георгиевной.

– Всё, девочки, сейчас принесут два стола и стулья! – доложила секретарша о результатах переговоров с суровым комендантом.

Конечно, не только внешностью брала Тамара. Великолепные, выверенные веками гены древнего грузинского рода наделили её тем, что просто называется «порода»: лёгкий, подвижный ум, образованность и воспитанность в сочетании с восточной деликатностью и обходительностью обвораживали и обезоруживали даже самых грубых мужланов, перед Тамарой невольно опускались долу глаза всех сварливых и завистливых дам. Эмма как-то не сдержалась, спросила:

– Тамара Георгиевна, а почему вы с высшим образованием и в секретарях?

– Ой, так я же все годы с Жориком по гарнизонам! А там где работать? Только в штабе. Почерк меня ещё подвёл, слишком хороший был. Все документы заполняла пером, как положено. Мне нравилась такая работа. Секретарь всегда в курсе, что происходит в части.

Глава 2. Мышеловка

Серость давно жевала Эмму. И зажевала бы, и дожевала, если бы. После окончания физмата университета место ей нашлось только в Хабаровском статуправлении. Конечно, можно было пойти работать учителем математики, но почему-то школы Эмма боялась, как огня. В статистику её заманили обещанием должности начальника отдела: через два года Нина Петровна уйдет на пенсию и Эмма Васильевна займёт её место. Вот только Нина Петровна просидела в своем кресле не два года, а целых пять лет. Несколько раз Эмма порывалась уйти, терпеть бумажную мертвечину у неё не было уже сил. При одной только мысли, что перебирать бумажки и таскать их из кабинета в кабинет придётся не один десяток лет, молодому статисту становилось дурно. Но куда идти? Сидеть дома? Сидела уже с Дениской в декретном отпуске полтора года. Еле-еле концы с концами сводили, постоянно залезали в долги: зарплаты её мужа Тимура, переводчика на иновещании, хватало только на самое необходимое.

Так и проторчала Эмма в статистической мышеловке десять лет. Конечно, её деятельная натура рыдала и бунтовала. Казалось, синусоиде этой – от почти истерических пиков до смирения и падения в отупляющую безысходность – не будет конца.

Полегче стало, когда Нина Петровна всё же ушла на пенсию и Эмма заняла её место начальника отдела. Появилась относительная свобода, когда не нужно чахнуть над документами от звонка до звонка. Эмма Васильевна вошла в круг избранных, где для себя, любимых, руководители мелкого и не очень мелкого ранга делали различные послабления: можно было и «задержаться», и «срочно в поликлинику сбегать», и отпроситься на денёк – отдохнуть. И чем крупнее должность, тем больше таких «свобод» присваивали себе начальники.

Однажды Эмма поймала себя на мысли, что её почти устраивает такая жизнь. Зарплата – почти в два раза больше, чем у её подчиненных, и самолюбие – куда ж без него – тешило: начальница! Да и карьеру в статуправлении какую-никакую можно было сделать... И превратиться в облезлую руководительницу бумажной конторы! Как героиня Алисы Фрейндлих в «Служебном романе». Из мелкой серой мышки – в более крупную, но все в той же мышеловке. Б-р-р, нет уж, это не для неё.

Эмма и минуты не колебалась, приняла решение уйти с работы, как только свершилась «великая буржуазная революция». Теперь можно делать – что хочешь! Создавать своё предприятие, заниматься бизнесом. Тимура, правда, пришлось долго уговаривать, никак не хотел расставаться с иновещанием. Стабильная работа, зарплата. А тут – как с обрыва «ласточкой» в бурное море. Всё новое, непривычное, непредсказуемое.

Глава 3. Как попёрло, так попёрло

Не зря столы тягали, народ собрался солидный: директора двух ГОКов³, Новосибирского оловянного комбината, управляющий Дальшахтостроя. Великая буржуазная революция всю страну перебаламутила, вот и рыщут-свищут руководители предприятий, куда свою продукцию сбывать. Куда-куда – в Китай, конечно! Китайцы хватают всё, от гвоздей до истребителей с бомбардировщиками.

Вовремя всё же Эмма с Тимуром собрали под крышей «Меридиана» переводчиков-китаистов. Спрос на них хороший, денег, правда, переводом много не заработаешь, но на аренду офиса и зарплату пока хватает, а самое главное – получили доступ к коммерческой информации: переводчики, как никто другой, знают, в чём нуждаются их клиенты. Найти вот только солидного покупателя или продавца не так просто – в орде ломанувших в Россию мелких и крупных китайских аферистов. От этой орды тоже пора дверь на лопату закрывать, но не закроешь: а вдруг повезёт и явится действительно стоящий партнёр. Вот и приходилось просеивать через сито китайских «купи-продай» в надежде поймать «крупняк».

Теперь главное не оплошать, показать себя во всей красе, чтобы директора поверили в коммерческие способности «меридиановцев». Народ и впрямь собрался солидный – сильные, властные мужики. И дело своё знают. Что ж, будем надувать щёки и делать вид, что нам всё по плечу. Найти покупателя на пятнадцать вагонов оловянного проката? – да хоть завтра! За такое-то вознаграждение... Эмма прикинула, сколько это «вознаграждение» потянет в ценах Лондонской биржи цветных металлов. Не хило!

Гости ушли, можно уже было не скрывать своей радости:

– Ура! Живём! – завопила Инна Петровна.

– Да, теперь, наконец, вам будет что считать, – поддержала Эмма Васильевна ликование главбуха и глянула на часы: второй час.

– Сегодня же первое сентября! Всё, бегу домой, надо проводить Дениску в школу, он со второй смены учится.

Сына Эмма встретила во дворе. Умытый, причёсанный.

– А носки где? Ты почему не надел?

– Не нашёл.

– Ох, ты горе мое луковое! Ладно, было бы второе или третье сентября, но первого! Пошли искать!

Ну вот, теперь полный порядок, а то подумают ещё, что ребёнок безнадзорный. Первого сентября, во второй класс, в туфлях на босу ногу... Впрочем, от Дениски еще и не такого можно ожидать. Пофигист и философ. Год назад отчебучил на уроке:

– Наталья Ивановна, тут в букваре написано: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить». Он что, Кощей Бессмертный?

И произнёс ведь не так, как надо – «жыл», а как написано – «жил». Хорошо, учительница была с юмором, а то б родителям досталось за бессмертного Ленина-«Кощея».

...И что ж сегодня за день такой! Полгода сидели на бобах, несколько месяцев вообще работали на дому, не на что было офис снять, и вдруг... Как попёрло, так попёрло! Тимур обрадовал Эмму ещё одной новостью:

– Представляешь, позвонили из Москвы! «Станкоимпорт»! Просят нас организовать отправку станков через порт Ванино!

– А откуда они о нас узнали?

– Сказали, в Пекине. Через неделю приедут договор подписывать.

³ ГОК – горно-обогатительный комбинат.

– Ого! Взлетели наши акции! Аж до Поднебесной! Всё, празднуем! Тамара Георгиевна, «Арарат» у нас остался с прошлого раза?

– Конечно! Я и пирог принесла.

– Ваш знаменитый картофельный? Ну, тогда пир горой!

Москвичи не подвели, прилетели. Двое – мужчина и женщина. Одеты они были просто, но со столичным изыском. А когда дама начала говорить..., стало понятно – настоящие «зубры» советского Внешторга к ним явились. Чувствовалось, что за плечами столичных гостей – МГИМО с Академией внешней торговли, никак не меньше.

Эмма, конечно же, смешалась, сконфузилась перед москвичами: тут как щёки ни надувай, ясно же, что «меридиановцы» – полные профаны в торговле. Маленькая фирмочка дилетантов. Вся надежда была на Тимура Аркадьевича. А он молодец, вел себя, как надо, не суетился, не заискивал, лишнего не говорил. Вот что значит восточная кровь. Да и школу переговоров он прошёл уже хорошую.

Ещё в самом начале, когда только открылись границы и Тимур стал ездить с делегациями переводчиком в Китай, Эмма, зная простодушный и покладистый характер мужа, предупредила его: «Не вздумай за нашими бонзами тягать чемоданы, пусть сами упрутся. Ты не лакей, ты переводчик и советник для главы делегации. Кто лучше тебя знает китайцев и их обычаи?»

А китайцы ещё те жуки. Наобещают с три короба, заманят в ловушку, а потом, когда почувствуют заинтересованность партнера, начинают руки выкручивать. Так, как ломают цену китайцы, никто в мире не умеет ломать. Берут на измор. Кажется, договорились, ударили по рукам, завтра контракт подписываем... А утром эти хитрецы на голубом глазу начинают всё сначала, и контрактная цена – опять в три раза ниже. Лыко да мочало. И так каждый день. Наши начинают психовать, выходить из себя. Часы-то тикают, скоро уезжать, а тут ещё конь не валялся. Руководитель российской делегации краснеет, возмущается. А его восточным партнёрам только это и надо: пошумит русский и сдастся. В такой ситуации Тимур обычно советовал: «Берите паузу – на день, на два. Погуляем, отдохнем. Пусть созреют». И китайцы действительно «созревали», шли на компромисс.

И все-таки странно: неужели «Станкоимпорт» напрямую не может договориться с портом? В чём тут прикол? Неужели до такой степени развалились на удельные княжества, что без местных посредников – никак? Впрочем, «Меридиану» это на руку. Хотя прикол всё же был – груз негабаритный, Владивостокский порт отказался принимать – возни слишком много.

Время поджимало, и Тимур пришлось срочно вылететь в Ванино, подписывать с начальником порта Георгадзе договор о перевалке груза «Станкоимпорта».

– А как же мой день рождения? – огорчилась Инна Петровна. – Я тут наготовила, а Тимур Аркадьевич улетел...

– Ничего, вернётся – ещё раз отметим, – успокоила именинницу Тамара Георгиевна. – Накрываем стол! Гуляем!

– Кот из дома – мыши в пляс, – рассмеялась Эмма Васильевна. – А чем вас, Инна Петровна, девичник не устраивает? Хоть песен попоём.

Но до песен дело не дошло. Через два-три праздничных тоста раздался телефонный звонок.

– А, рабочий день закончился, пусть завтра звонят, – отмахнулась замдиректора.

Но телефон не умолкал, пришлось взять трубку. Звонил Тимур Аркадьевич:

– Эмма, Георгадзе в Хабаровске, завтра вылетает в Москву, в Ванино вернётся только через десять дней. Срочно найди его, он в старательской артели остановился.

Повеселились. Эмма почувствовала, как хмель ударил в голову – сказалось пренебрежение обедом.

– Девчонки, я же пьяная. А, пока доберусь до Георгадзе, пройдет. Тамара Георгиевна, где наш водитель?

– Ужинает, в шесть должен быть.

– Хорошо, я пока документы собираю.

Водитель не заставил себя ждать.

– Валера, мухой ко мне домой, потом в артель.

Так: шляпа, красные сапоги, павловский платок на плечи. Отлично! И – вперед! На абордаж!

«Главное – запомниться этому грузину, чтоб потом не спрашивал: «А это кто такая?» У него там, в порту, наверное, от просителей дверь не закрывается. И все клянчат, всем что-то нужно. Просить и клянуть не будем. Мы же в порт приведем солидного клиента! Вот с этого и нужно начинать», – рассуждала про себя Эмма по дороге в артель старателей.

Но всё пошло совсем не так. Остапа, как говорится, понесло, да ещё как!

Эмма Васильевна постучала в дверь комнаты, в которой, по словам горничной, остановился начальник порта.

– Входите! – раздался мужской голос.

Эмма окинула взглядом гостиничный номер, решая, туда ли она попала. На кровати сидел невысокий крепкий мужчина, лет сорока пяти, рыжеволосый, рыжеусый, с крупным мясистым носом. Странно, а где же грузин Георгадзе? Мужчина вопросительно смотрел на непрошенную гостью.

– Здравствуйте, мне нужен Николай Дмитриевич Георгадзе.

– Я Георгадзе.

Эмма, ну и дура же ты! Конечно, Николай Дмитриевич заметил и её замешательство, и поднятые домики бровей: какой же ты, братец, грузин! А где карие с поволокой очи, кудри цвета вороного крыла, косая сажень в плечах? Видно, Николаю Дмитриевичу была уже знакома такая реакция на его фамилию. Неприятно. Выражение лица его резко изменилось: первое любопытство сменилось холодным отчуждением, взгляд стал твердым, на глазах – защитные шторки. Оделся в броню. Тук-тук – не достучишься.

– Проходите, садитесь, – с вежливым холодком в голосе сказал начальник порта.

Эмма села в кресло, перевела дух.

– Я к вам по делу.

Этого можно было и не говорить, ясно, что явилась она не просто так.

– Слушаю.

Нужно было спасти ситуацию, но как? Да, Эмма, плохой из тебя дипломат. А, была ни была.

– Знаете, у нас на работе сегодня был день рождения, выпить я успела, а вот закусить – нет. Пойдёмте в ресторан!

– Нет! – реакция Георгадзе была мгновенной и резкой, видимо, он и сам удивился своей излишней резкости.

Но! Цель была достигнута! Пробила Эмма своим абордажем броню! Глаза Георгадзе ожили, в них даже лукавая усмешка проскочила. Или это Эмме показалось?

– Хорошо, поговорим здесь. Дело вот в чём.

Николай Дмитриевич внимательно и вроде бы доброжелательно выслушал визитёршу.

– Не вижу проблемы. Завтра позвоню первому заместителю, поезжайте в порт, подписывайте договор.

– Наш генеральный директор уже в Ванино.

– Тем лучше.

Вот и всё. Так просто! Эмма осторожно улыбнулась Николаю Дмитриевичу:

– Спасибо! До свидания!

Ура! Есть контакт! Хотя и с горем пополам, но задачу свою она выполнила, а главное, Георгадзе её запомнил и не нужно будет при очередной встрече мямлить: «Я такая-то, мы с вами встречались в Хабаровске...» Эмма Васильевна терпеть не могла мямлить и заискивать. Но и с abordжами нужно быть поосторожнее, неизвестно, на кого нарвёшься. А, всё нормально. Приятно иметь дело с умным человеком!

Глава 4. Небо в алмазах

– Ну-ка, гляньте, Инна Петровна, седина у меня не появилась? – спросила Эмма Петровна главбуха.

– Нет, не вижу.

– Странно.

– Да, неделя выдалась весёлая, – вздохнула Тамара Георгиевна.

– А мне понравилось! – задорно, с вызовом, сказала Инна.

– Понравилось скакать, как блоха на горячей сковородке? – усмехнулась Эмма. – Авантюра чистой воды. Конечно, когда всё позади, можно сказать, что приключение у нас получилось – закачаешься. Но тогда, когда не знаешь, чем это приключение закончится... Знаете, у меня было ощущение, что кто-то, какой-то чертёнок, шутит над нами. Подкинет задачку, посмотрит, как мы тут носимся, заполошенные, а потом всё же сжалится, выручит.

Туризмом они с Тимуром заниматься пока не планировали, но тут явились деловые с Украины: хотим с вами работать, откроем новое турнаправление Нижнеленинское – Тунцзян.

Заманчиво, конечно. Амур переплыл и – вот он, Китай. Не надо восемь часов колотиться, как в консервной банке, на суденышке с подводными крыльями до Цзямусы. Маршрут вот только ещё не освоен. Но украинцев никакие сложности не пугали: это же золотая жила! Через нас с вами вся Украина поедет! И Тимур с Эммой согласились.

Заморочки начались сразу: сначала авиарейс с туристами на час задержали в Днепропетровске, потом вылет отложили в Шереметьево... Нервы у «меридиановцев» были на пределе: если самолет опоздает ещё хоть на полчаса, весь график придётся ломать. Менять билеты, искать гостиницу. Что нереально с группой в тридцать человек во время сезона отпусков. Эмма ругала себя на чём свет стоит: надо же было уступить этому хохляцкому скупердяйству! Прилетела бы группа за сутки, переночевала в гостинице, на другой день спокойно убыла бы по жд в Нижнеленинское. Но нет, будем экономить! Сэкономили.

Когда днепропетровцы всё же прилетели, до отхода поезда оставалось сорок минут.

– Все за нами! Бегом! – скомандовала Эмма.

В вагон заскакивали чуть ли не на ходу.

– Нам же деньги нужно собрать! – спохватилась замдиректора. – Инна, запрыгивай, выйдем на следующей станции, в Николаевке!

– А почему вы считаете по этому курсу? – заерепенилась одна из туристок. Вагон притих: да, почему?

– Это официальный курс Центробанка.

– Но на рынке в Хабаровске дают за доллар гораздо больше!

Интересно, откуда она это узнала? И когда успела? Неслись ведь на вокзал, как ужаленные.

– Вон ребята в аэропорту поменяли по сотне!

Ох, уж эти ушлые хохлы.

– Мы не рынок и не базар, – жёстко начала Эмма Васильевна: ждать, когда загудит весь вагон, нельзя. – Наша компания работает официально, через банк. Но если вы так стремитесь нажать себе неприятностей, то выбор за вами. Жулики, кидалы, бандюки – кто вам больше нравится?

Скандалная туристка пыталась ещё что-то говорить, но её уже не слушали: жадность жадностью, а безопасность дороже. Конечно, Эмма немного, а может, и много, приврала. Но ведь «Меридиану» тоже нужно зарабатывать.

А потом всё пошло, как в дурном сне: чем дальше, тем хуже; но каждому известно, если сон не прерывать, то он обычно заканчивается хорошо: все спасены, счастливы и довольны. Главное – дотерпеть.

Первый звонок раздался в час дня. Звонил Фань, переводчик:

– Граница перекрыта, нас не пропускают.

– Как не пропускают, – спросил Тимур Аркадьевич. – Почему? Документы не в порядке?

– Нет, документы в порядке. Туристов с сегодняшнего дня не пускают на ту сторону, приказ из Москвы.

– А что случилось?

– Не знаю, нам не говорят.

– Ладно, подождите, сейчас узнаю, в чем дело.

Знакомый Тимур Аркадьевичу пограничник выяснил, почему перекрыта граница, да вот только не обрадовал: кто-то из туристов пожаловался в Москву, что в Нижнеленинском жуткие условия на переходе. Факты проверили, всех наказали, сняли начальника погранпункта и закрыли переход. И теперь никто в Хабаровском погрануправлении не возьмёт на себя ответственность пропустить группу в Китай. Чтоб погоны ветром сдуло? Нема дураков.

Телефон звонил, не умолкая: руководитель группы изливала свой гнев:

– Да как вы могли! Делайте, что хотите, но чтобы нас пропустили! Авантюристы! Преступники! Ваше место в тюрьме!

Тимур Аркадьевич слушал, просил успокоиться, подождать. Но всё было бесполезно. Светлана Богдановна, видимо, считала, что в этом и заключается её роль как руководителя – истерить и орать. Эмма Васильевна взяла трубку:

– Светлана Богдановна, давайте успокоимся. От наших с вами истерик ничего не изменится. Нужно организовать ночлег. Поезд будет только утром.

– Какой ночлег?! Они не хотят отсюда, с берега, уезжать! Заявили, что ночевать будут на дебаркадере!

– А спать? На стульях? Это несерьёзно, дайте мне переводчика.

– Евгений Иванович, поезжайте в Ленинское, договоритесь с гостиницей.

– Да ребята уже костёр разожгли, сказали, остаются.

– Хорошо, тогда утром выезжайте обратно в Хабаровск, отправим группу «ракетой» в Цзямусы.

– Тамара Георгиевна, как там с «Амурречтуристом»? Дают нам судно? – спросила Эмма у секретаря.

– Да, сказали, отправят.

– Ну, слава Богу! Хоть в этом повезло.

Оказалось, повезло не только в этом. Главная головная боль – как теперь отправить туристов в Москву, билеты в кассах на октябрь. Но, видно, чертенятам наскучило над ними шутить, сжалились над бедолагами: какая-то группа опаздывала к вылету, и – вот они, тридцать билетов! Как раз на нужное число! Неужели такое бывает?!

...Казалось, ночь никогда не кончится. Сна не было ни в одном глазу. При одной только мысли, что из-за них с Тимуром люди остались на диком берегу, в семи километрах от ближайшего посёлка, волосы у Эммы вставали дыбом. А вдруг что случится?

– Ну что, идём на расстрел? – спросила утром Эмма мужа. – Готовься, закидают нас помидорами.

В автобусе пахло горилкой, туристы галдели, обменивались шутками – видно, успели перепознакомиться и передружиться за эти сутки. Примолкли, когда Тимур начал говорить:

– От нашей компании и от себя лично приношу...

Вот теперь полетят помидоры.

Но договорить ему не дали:

– Да ладно! Чего там! Нормальная была поездка! – прервал Тимура Аркадьевича мужчина лет сорока.

Эмма не могла поверить своим ушам. Но радоваться было рано.

– Какая нормальная, какая нормальная! – заверещала скандальная туристка – та самая, которую не устраивал Эммин курс доллара.

А вот и тяжёлая артиллерия загрохотала басом – руководитель группы:

– Да вас судить надо!!! Вы преступники!

– Да ладно, Света, вечно ты недовольная, – принялся урезонивать Светлану Богдановну сорокалетний турист. И тут все заговорили разом:

– Так здорово съездили! Спасибо вам!

– Какая у вас чудная природа! Девственный лес, Амур и тишина... А небо! И звёзды, как алмазы!

– Точно-точно, как будто в пионерском лагере! Такой костёр я только из детства помню!

– А какую уху сварганили на костре из лосося! До сих пор пальцы облизываем!

– Так может, вернёмся? – предложил парень лет двадцати пяти. – Сало есть, горилки тоже на неделю хватит...

– Ага, – откликнулся его сосед, – еще раз ночью сплаваем в Китай, отоваримся, ханжи наберём.

– Как это «сплаваем»? – не поняла Эмма Васильевна.

– Представляете, наши хлопцы наняли местных и ночью переплыли Амур! В гости к китайцам. Наменяли там всякой всячины, китайцы их даже своей ханжой⁴ угостили!

Вот тебе и «граница на замке»! Не зря у Эммы всю ночь волосы дыбом стояли. А вдруг погранцы начали бы стрелять?! Это ж надо додуматься... Сплошная уголовщина! Незаконное пересечение границы, контрабанда... А там бы еще пару статей пришили. И было бы – кому небо в алмазах, а кому и в крупную клетку.

– А когда мы в Китай едем? – прервала Эммин мысленный поток страшилок молоденькая туристка.

– Позавтракаете и через полтора часа на теплоход, – ответил за жену Тимур.

...Отправили наконец. Можно перевести дух. Следующий день прошёл в тишине, потом ещё один. Телефон молчал. Неужели там всё в порядке? Никто не потерялся, не попросил политического убежища и даже не подрался? Не может быть...

Группу встречали поздним вечером. «Ракеты» из Китая подходили одна за другой. По набережной сновали грузчики, таскали огромные баулы челноков. Потянулась цепочка туристов. Все взбудораженные, измочаленные долгой дорогой и нервной встряской-перетряской на таможне, ведь пройти её, родную, – это как взять штурмом Эверест и вернуться оттуда живым, но почти бездыханным. Кто матерился, на чём свет стоит костерил таможенников, кто закуривал, стараясь успокоить нервы, а пара мужичков снимала стресс водкой. Обычная картина для Хабаровского речного порта в навигацию.

А днепропетровцев всё не было. Набережная опустела, прошёл час, другой. Стемнело. Вот уже из сумерек выскочила луна и резво покарабкалась по спине небосклона. Эмма с Тимуром начали беспокоиться: где туристы? Может, подломался двигатель и они идут на малых оборотах? Или вообще встали где-нибудь на реке? Но на дебаркадере по-прежнему светятся окна, суеты нет, значит, ждут, и всё идёт в штатном режиме.

Наконец, глухо зарычал мотор «ракеты». Фонари на набережной высветили судно, заваленное горой мешков, чемоданов, полосатых сумок-«китаек». Теперь понятно, почему они так долго шли: перегруженная «ракета» превратилась в черепаху. Вот и ползла по Амуру эта черепаха, зарываясь в волны и черпая ноздрями речную воду. И как ещё доползли!

⁴ Ханжа – искаж. кит. – дешёвая китайская водка из гаоляна.

– Вот она, наша подводная лодка из степей Украины! – с облегчением рассмеялась Эмма. – Ну, дорвались хохлы! Молодцы! От души китайцев пограбили!

Прекрасного настроения их туристам и таможня не смогла испортить: поездка удалась! Даже Светлана Богдановна была довольна.

– Ох, скорее бы до кровати дотелепать! – мечтательно сказала молодая украинка.

– Всё готово, в гостинице вас ждут, – обрадовал её Тимур Аркадьевич, кивнув в сторону пришвартованного у набережной теплохода.

– Это – гостиница? – удивлённо спросила Тимура Светлана Богдановна, разглядывая судно.

– Да, плавучая гостиница – трехпалубный теплоход «Тридцать лет ГДР». Он ходил по Амуру, теперь вот отдыхает у причала. Номера «люкс», горячая вода, душ. И ресторан с хорошей кухней, – не без гордости доложил Тимур.

– Как здорово! – не сдержала восторга девчонка-туристка. – Будем спать и качаться, как в люльке! Под плеск волн!

– Ты что, в «ракете» не накачалась? – насмешливо спросила её подруга.

– Что ты понимаешь! – встрепенулась усталая девчонка. – Это ж такая красота! Река, пароход и небо в звёздах...

Глава 5. Рога и копыта

Дождались! Наконец-то прошли две сделки и появились деньги! И немалые! Теперь не нужно голову ломать, чем выдавать зарплату, как оплатить аренду офиса. Вот только проесть свое богатство «меридиановцам» никак не хотелось. Впечатлённые и воодушевлённые новыми, капиталистическими, идеями, компаньоны были едины во мнении: деньги должны работать и приносить прибыль. Значит, ищем новых партнёров!

«Партнёр» пришел сам и предложил купить партию «москвичей». Вот только автомобили не у него, а у его брата, в Москве. Эмму это сразу насторожило: заключать договор через посредника... Чревато. Но «партнёр» успокоил: договор будет с поставщиком, волноваться нечего.

– И всё же я бы не стала рисковать, – заявила Эмма Васильевна на совещании.

Но Инна Петровна и слышать ничего не хотела:

– Берём! Здесь, в Хабаровске, «москвичи» у нас с руками оторвут, себе по машине возьмём и денег заработаем!

Интересно, как Инна себе это представляет? Бросила пять рублей, крикнула «апорт», и собачка ей в пасти миллион принесла? Мечтать, конечно, не вредно. Эмма фыркнула носом: кое-кому «грошики ляжку жгут»?

– Нет, я против. Компанию эту мы не знаем, а вдруг кинут? Если товар вперёд, с последующей оплатой, ещё можно. А так... Да и неизвестно, какие у них машины, могут ведь и брак подсунуть, – стояла на своем Эмма.

Но Инну уже понесло. Наивная мадам. Небось в мечтах уже рассекает на новом «москвиче», только ветер в ушах свистит. Ладно бы только в ушах. И не отмахнёшься от неё: мало того, что Инна Петровна главбух, она ещё и соучредитель компании.

– Как вы себе это представляете? – горячилась Эмма Васильевна. – Да за две недели пути от ваших «москвичей» останутся рога и копыта! Да и те пойдут только на металлолом.

Инна Петровна не сдавалась:

– Наймем охрану.

– Вот охрана и свинтит все колёса по дороге.

– Как это «свинтит»? Ведь они отвечают за сохранность груза!

– Ой, я вас умоляю, кто и за что сейчас отвечает? Будете крайних искать? Как будто вы не знаете, что из себя представляют эти охранные фирмы!

Инна Петровна поскучилась, завздохала: станция Березань, кто приехал, вылезай, вытряхивайся из авто – помечтали и будя.

Кажется, дошло до Инны. Ага, если бы! Как главбух уломала Тимура, для Эммы так и осталось загадкой. Но в её отсутствие они всё же подписали договор и рассчитались с поставщиком. Ругаться было поздно.

– Фирма «Мираж», – заглянула Эмма в договор. – Они что, приколотись над вами? – мрачно спросила замдиректора у Инны Петровны. – А почему не «Фантом» или «Фата-Моргана»? Впрочем, это одно и то же. Ладно, будем брать ваших фирмачей под микитки, давайте номер телефона.

– Григорий Иванович, я так понимаю, гарантия выполнения договора – ваша голова?

Собеседник Эммы явно не ожидал услышать прямой угрозы и смешался:

– Конечно, я вам обещаю, что с нашей стороны всё будет выполнено.

– Сроки?

– Неделя – две, как поступит новая партия.

– Ну что, матёрые бизнесмены, деньги перечислили, сели, ручки сложили – ждёте, когда счастье привалит? – съехидничала Эмма, глядя на примолкших Инну Петровну и Тимура Аркадьевича.

А счастье всё не валило. Начались качели:

– Да-да, отправляем!

– Где товарные накладные?

– Партия вот-вот подойдёт!

– Вы неделю назад обещали нам отгрузить машины.

– Это не наша вина, на заводе задерживают!

– Три недели задерживают? Мне что, к вам выезжать?

– Нет, не надо, машины пришли, но некомплект, нет лобовых стёкол, будете брать?

– Вы что, издеваетесь?! Григорий Иванович, помните наш первый разговор? Так вот, завтра я вылетаю с бригадой по вашу душу, вернее, голову, – мы ведь так договаривались? И не вздумайте исчезать, не подставляйте своего брата, – Эмма уже не могла сдерживать себя.

Конечно, это блеф чистой воды, никакой «бригады» у них не было, но угроза подействовала:

– Хорошо, не хотите, тогда возвращаем вам деньги.

Так-то лучше.

– Когда?

– Через неделю.

Вернули. Не сразу и частями, но вернули. Только вот опыт этой бездумной раздачи денег – налево-направо, как потом оказалось, кое-кого ничему не научил.

Глава 6. Кому сито крупно, а кому и решето мелко

А «сито» без дела не лежало, китайские фирмачи – «купи-продай» – шли косяками. Вот и просеивали их меридиановцы, а всё без толку, впустую. Ни одного ценного зёрнышка. Пока, наконец, – хоть решето бери! Счастье всё же привалило! А то они последнее время кувыркались в одной мелочовке.

Дело дошло до того, что Эмме Васильевне и Инне Петровне пришлось торговать шмутьём на улице. А было это так. Пришла к ним устраиваться на работу молодая переводчица-китаистка, Галина Гришина. Выпускница университета, красный диплом. Тимур с напускной важностью и серьёзностью – должность директора обаяет – расспрашивал довольно невзрачного вида худенькую девушку, где училась, где живёт и так далее. Эмма сначала не поняла, почему так напряжён Тимур Аркадьевич – покраснел, чуть ли не вспотел. А потом, когда подошла поближе... Ай да девица-красавица! Это ж надо додуматься! Пришла наниматься на работу: декольте до пупа, всё присутствие полного отсутствия на улице, до последнего ребра. Она что, сдурела? Зачем же так? Или красный диплом нынче не в цене? Эмма чуть не рассмеялась вслух – ей пришла на память их университетская поговорка: лучше иметь красную физиономию и синий диплом, чем синюю физиономию и красный диплом. И всё же жалко девчонку. Наверное, сейчас действительно сложно найти работу.

– И, если на то пошло, – одёрнула саму себя Эмма, – ты-то чем лучше? Забыла, как брала на бордаж Георгадзе? Уж никак не умом.

Эмма вспомнила свою коллегу-математика из знаменитого фильма «Семнадцать мгновений весны», как та клеила Штирлица в баре. Может, и Николай Дмитриевич тогда об этом вспомнил? Хотя откуда ему знать, что Эмма Никитина математик? Ой, да не такая уж и пьяная была Эмма, да и начальник порта не такой дурак, чтоб не разобраться, что почём. Так что, девушки, к цели своей мы идём правильным путем, если она достигнута, а как – мытьём или катаньем – неважно.

Галину на работу приняли, тем более что она пришла не с пустыми руками, привела в «Меридиан» коммерсанта, Чена, и не откуда-нибудь, а с самого Тайваня! Тайванец, круглый, темнолицый, коротконогий и короткопалый, явился с огромным чемоданом образцов товаров и тканей. И барахольный зуд охватил женскую половину «Меридиана»: какой трикотаж! Кофты, костюмы!.. И обувь, правда, лишь кроссовки. Офис мгновенно превратился в примерочную.

– С демонстрацией мод придётся подождать, – спустил на землю своих сотрудниц Тимур Аркадьевич, – это же образцы! Завтра проведём переговоры с Горпромторгом, если заинтересуются, подпишем контракт. И в Комсомольск нужно Чена свозить, на швейную фабрику, показать его ткани.

– Как мы его туда повезём, Комсомольск закрыт для иностранцев, – поинтересовалась Эмма Васильевна.

– Нужно что-то придумать. Придётся везти по документам Вана, они с Ченом похожи.

– А если милиция докопается, представляешь, что с нами сделают? Сдадут чекистам, затаскают по допросам.

– Ну, не расстреляют же.

– Ладно, я с ним поеду, Фаня возьму переводчиком, – решила Эмма. Деньги только пусть Чен даст на командировку.

– У него нет денег, – спокойно сказал Тимур Аркадьевич.

– Ты что, издеваешься? Как это «нет денег»? Он вообще-то кто, нищий бродяга? – взвилась Эмма Васильевна.

– Потом отдаст.

Тимур в своем репертуаре. Всем готов помочь. Бесплатно. За свой счет.

– Нет, так не пойдёт.

– Да получим мы свои деньги! Подпишет Чен контракты с кем-нибудь, заплатит нам комиссионные.

– Это всё вилами на воде написано! Контракты! Может, у него за душой вообще ничего нет, кроме этого чемодана!

А в Комсомольск они сгоняли зря. Все российские предприятия давно лежали на боку – в безденежье и безнадёге. Извечная остапо-бендеровская формула и тут не подкачала, не случилось товарно-денежного кругооборота. Что ж, справедливо: нет денег – нет стульев. Технологи и модельеры «Комсомолки» пощупали Ченовские ткани, пооблизывались, стараясь притушить алчный блеск в глазах, повздыхали. Дальше вздохов дело не пошло. Ладно, в коммерции отрицательный результат – тоже результат. Хорошо хоть вернулись без боевых потерь, не загремели ни в милицию, ни в ФСБ. И операция «прикрытие» прошла успешно: закатили круглого Чена в дальний угол купе, прикрыли туловами, запечатав тайваньцу рот: ни-ни! Тот с перепугу все команды переводчика выполнял с полуслова. Так всю дорогу и молчал, чтоб не выдать себя: в поезде ехал-то иностранец по документам российского гражданина, которому положено хоть немного, но говорить на языке родной страны.

– Евгений Иванович, вы Чена хоть матам научили бы, всё было бы полегче, – укорила Эмма переводчика.

– Две недели работы коту под хвост, – подвела итог на утреннем совещании Эмма Васильевна. – Ни контрактов, ни денег. Чем будем покрывать убытки?

– Чен отдаёт нам свой чемодан, – успокоил её Тимур Аркадьевич.

– И что нам с ним делать? – поинтересовалась Эмма.

– Вещи продать.

– Ага, а образцы тканей пустить на портянки. Здорово!

– Да ладно вам, Эмма Васильевна! – пришла на помощь Тимур Инна Петровна. – Возьмём внизу стол на прокат, поставим у «Совкино», продадим! Глаза у Инны горели: наконец-то можно нырнуть в заветный чемодан!

И началось веселье: это мне, это тебе, это опять мне... Увлекательнейшее занятие – удовлетворять барахольный зуд!

Это было бы смешно, если б не было так печально. Отношения жителей Страны Советов с красивой одеждой сложными были всегда. Никак не получалось у них, жителей и одежды, взаимной любви. В магазинах все вешала были упакованы скучными и плохо сшитыми произведениями советских швейных фабрик. Покупка приличной вещи была редкой удачей. Дефицит прочно держал за горло желающих помодничать. Только высшая городская каста да работники торговли имели доступ к этому растреклятому дефициту. А простому народу только и оставалось с унылой завистью разглядывать наряды небожителей да вздыхать: мне бы... такие чудные финские сапоги, пальто с воротником из ламы, а уж эта симпатичная песцовая шапочка... и дублёнка вон на том мужчине... А гордые обладатели одинаковых обновок фланировали по улице Карла Маркса, несколько от одинаковости не смущаясь, напротив: свой свояка видит издалека! Они – избранные!

Иногда в магазинах всё же появлялось что-то стоящее – обычно в конце месяца, когда торговле нужно было сделать план. Женщины в такие дни с утра отправлялись на разведку: дают? Что дают? А будут давать? В «Доме одежды» что-то выбросили?

А в «Доме одежды» толпа штурмует прилавок, клубится длиннющая, как анаконда, очередь, готовая заглотив всё – колготки, ботинки, какие-то пиджаки... Всё нужно, всё возьмём!

Однажды и Эмме повезло. Было это ещё в студенчестве, во Владивостоке. Староста группы раздала им стипендию, и вот богачка Эмма, с сорока рублями в кармане, заглянула в универмаг. ...Сердце студентки подскочило к горлу, когда она увидела Их. Туфли! Итальян-

ские! Мать Божья! Это не сон? Самые модные! Тупой нос, высокий каблук, платформа. Очередь всего ничего, на полчаса. И цена – как раз сорок рублей! Ни секунды не раздумывая, Эмма приклеилась к хвосту очереди, не в силах отвести глаз от туфель, выставленных на обозрение. Только бы хватило! Только бы не закончился нужный размер! Хватило!!! Как на крыльях, неслась счастливая Эмма в общагу.

Девчонки – кто с чёрной, кто с белой завистью – наблюдали за Эмминым дефиле. Покрасовалась. Сняла. Поставила в коробке под кровать. Оказалось, рано. Рано сняла. В комнату ввалились соседки-старшекурсницы:

– Эмма, ну-ка покажи! Обалденные туфли! Настоящие итальянские?

К концу вечера у счастливой обладательницы обновки с непривычки болели ноги: каблуки вон какие высоченные! Но ни усталость ног, ни перманентные «надень-покажи» не омрачили радости Эммы.

... Вот теперь окончательно сняла туфли, поставила под кровать, улеглась, с наслаждением вдыхая стойкий аромат новой кожи... Блаженство.

Так что, Эммочка, ты чем от Инны Петровны отличаешься? Тоже ведь нырнула в чемодан? Нырнуть-то они нырнули, вот только оторваться по полной не получилось – совсем не вовремя заявила новая переводчица, Галина.

Не складывались у Эммы Васильевны отношения с краснодипломницей Гришиной. Робкая соискательница должности переводчика как-то слишком быстро превратилась в весьма уверенную в себе особу. Эмма чертыхалась: умеет Тимур потакать кому ни попадя: «Ах, девочка, ах, умница! Китайский язык выучила!» Конечно, умница, ведь взять китайский мало кому дано, потому что это не просто язык, а философия иной цивилизации. Только захваливать зачем? Говорила же – держи дистанцию! Какое там. Доблеялся, доумилялся. Лестно, что девчонка смотрит на него снизу вверх, разинув рот? Вот и поймала Галя звезду. Начала наглеть, наскакивать на замдиректора:

– Почему вы, Эмма Васильевна, даете мне работу в последнюю очередь? Была же заявка с кабельного завода, а вы послали Вана!

– Наши переводчики работают со своей клиентурой, – отрезала Эмма. – Вы прекрасно знаете, что кабельный – клиент Дмитрия Васильевича. И с какого такого переляху я должна вам его отдавать? И вы действительно здесь последняя, так как пришли недавно.

– Вы предвзято ко мне относитесь!

Это о чём она? Ну, Тимур... Любит себе на шею всякие «украшения» вешать. А сдёргивать их – Эмме. Вот и сейчас:

– Я вам партнёра привела!

– Этого голоштанника? Можете забрать его обратно. У нас таких пруд пруди.

– Он не голоштанник! Его дядя – владелец фабрики!

– Слышали мы уже эту легенду о богатом дяде, – усмехнулась Эмма. – А может, он упёр этот чемодан у своего родственника, а нам очки втирает?

Но Галя как будто не слышала замдиректора, продолжала дуть в свою дуду:

– Тимур Аркадьевич обещал мне комиссионные за Чена!

Раскрылся бутончик.

– Что? Какие комиссионные? За чемодан? И во сколько вы оцениваете своё посредничество? – с сарказмом спросила замдиректора. – Как видите, ваш прощельга расплатился с нами натурой. Подходите, не стесняйтесь! Берите!

– Не нужны мне эти вещи! Вы должны заплатить!

– У вас есть комиссионный договор с нами? Нет? – уже озверела Эмма Васильевна. – Выйдите вон и не мешайте работать.

– Вы хотите, чтобы я уволилась? – вошла в штопор переводчица.

– Мечтаю, – мрачно процедила ей в ответ Эмма: а что прикажете делать с этой негодяйкой? В ножки кланяться? Сама напросилась.

– Хорошо, я ухожу!

Ах-ах! Какая надрывная патетика! Сцена по Галочке плачет.

– Прекрасно, пишите заявление, – уперлась рогом Эмма.

Написала, ушла. Ну вот, испортила всё настроение.

– Ладно, Инна Петровна, пошли на улицу, торговать.

Всё изменилось с появлением двух деревенского вида китайцев. Старший – лет пятидесяти, колобок колобком, жизнерадостный, говорливый, а с ним – робкий юноша, сынок.

Великая китайская буржуазная революция, которая называлась «четырьмя модернизациями», всколыхнула Поднебесную от Пекина до самых до окраин, сотни миллионов китайцев ринулись в торговлю – от университетских профессоров до уличных чистильщиков обуви, от бывших вояк до деревенских коммунаров. Колобок, Сюй, оказался родом из такой сельской коммуны. Это было целое поветрие: члены коммун скидывались, покупали какой-нибудь товар и отправляли своих эмиссаров в Россию – торговать, зарабатывать деньги. Такими эмиссарами и были Сюи – отец с сыном.

«Меридиановцы» встретили их недоверчиво: подустали они уже от бесконечного потока заграничных прощелыг, за душой у которых – ничего, кроме страстного желания разбогатеть. Но это – другой случай. Сюи приглашали делегацию «Меридиана» в Харбин, на подписание бартерного контракта по поставкам десяти вагонов китайского пива. И приглашают – их всех, четверых! Тамару Георгиевну, Инну Петровну и Эмму с Тимуром. Расходы на поездку берёт на себя китайская сторона, их новые партнёры. Ну вот, наконец-то. А то они, компания «Меридиан», как котята, – тычутся, тычутся мордочками – и всё мимо миски с молоком.

Глава 7. «Заграница нам поможет»: Здравствуй, мама-Азия!

Много раз потом Эмма Васильевна ездила в Китай, но та поездка была особенной. Потому что – первая! Да ещё в такую чудесную, древнюю страну. Столько о ней читано, слышано. Конечно, Тимур много рассказывал о визитах в Поднебесную, когда он был там в составе разных делегаций. Но книги и рассказы – это одно, а увидеть своими глазами – совсем другое.

Наверное, каждому знакомо чувство, когда после долгого вынужденного заточения в четырёх стенах, в границах квартиры, наконец выходишь на улицу. Свобода! А воздух-то, воздух! И небо голубое-голубое! Бодрый шаг, восторг на лице. И благодарность – солнцу, ветру, деревьям на бульваре – только за то, что они есть! И ты есть! Вместе с ними.

Примерно те же чувства, ту же эйфорию испытывают все, впервые шагнувшие через границы Отчизны. Какая она, чужая сторона? Чем восхитит, чем обрадует? Чем накормит, а если повезёт, то и оденет? Нет, конечно, у «меридиановцев» аппетит был и на культурные ценности: это ж великая страна, древнейшая цивилизация! Мы всё хотим! Попробовать, посмотреть, пощупать, примерить... В общем, всё.

К поездке в Харбин готовились основательно. Перво-наперво – подарки встречающей стороне, которая расходы российских партнёров на территории Срединной империи берёт на себя: оплачивает гостиницу, питание. Так положено: пригласили – платите. Ведь в частном, то есть в неорганизованном, порядке можно выезжать только по приглашению иностранного партнёра, иначе деловую визу не откроют. У «российской стороны» обычно денег на такие поездки нет, потому что нет валюты. Достать её официально невозможно, а если взять на чёрном рынке – как провезти?

Женская половина «Меридиана» была охвачена энтузиазмом от предвкушения пиршества: в Китае всего завалишь! Мяса любого – полно, овощи, фрукты – какие хочешь, а одежда, обувь... Вот бы утащить домой китайский универмаг, хоть маленький, один-единственный, чтоб семью да родню обусть-одеть! Только на какие шиши тащить? По пятьдесят долларов им в банке обменяли – командировочные. Это четыреста юаней. Приличные деньги! Но универмаг не утащишь.

И начали Инна Петровна с Тamarой Георгиевной мышковать. Разузнали, что китайцы покупают у российских туристов. Да всё! Утюги, фены и другие электротовары, шинели, ткани и всякую всячину из металла, в том числе и драгоценного. На работе только и обсуждений: это возьмём, это и ещё это... Эмму тоже охватила барахольная лихорадка. А что! Утюг-то лёгкий, почему не взять? И фен. И... Но Тимур разом охладил Эммин пыл: «Не позорься. Деньги на карманные расходы нам дадут партнёры.» Пришлось «не позориться». А Инна с Тamarой понабрали!.. Ладно, им можно.

В аэропорту Тимур Аркадьевич категорично заявил:

– Так, дамы, доставайте всё, что взяли на продажу. Будем делить на четверых, поможем вам провезти. Мы же члены одной делегации, скажем, что это подарки. Иначе таможня может отобрать.

– Как это «отобрать»? – с ходу распалилась Инна. – Не отдадим!

– С таможней не поспоришь, – спокойно ответил Тимур. – И скандал нам ни к чему.

А на таможене творилось что-то фантастически безобразное. Пассажиры заграничного рейса, старательно скрывая волнение, всё же, переступив через полосу досмотра, превращались в хамелеонов: лица их начинали играть всеми цветами радуги – от бледно-зелёного до синевато-пурпурного. Ещё бы! Ведь на глазах у всей публики инспекторы бесцеремонно перетряхивали их багаж, одновременно ведя допрос: «Что везёте? А это для чего?» Покрываясь

бисером пота от унижения, бедолаги что-то бормотали, оправдывая наличие среди пожитков отрезков ткани, бытовых приборов и всякой всячины.

– Подарки! – жизнерадостно оповестила Эмма таможенника, улыбаясь глазами и пытаясь смягчить его суровость: лишь бы отвязался от этого глупого утюга, хотя его, так же как и фен, можно объяснить – деловой визит, нужно хорошо выглядеть!

Инспектор молча махнул рукой – идите!

Так легко? Эмма воспряла духом: не так уж и страшен чёрт! Следом за ней и другие члены делегации, как китайские болванчики, дружно закивали головами: подарки-подарки! И их пропустили!

Инна и Тамара заметно оживились: первый рубеж взят без потерь!

– А на китайской таможне нас так же будут трясти? – на всякий случай поинтересовалась у Тимура Тамара Георгиевна.

– Нет, – улыбнулся Тимур Аркадьевич. – Китайцы багаж не вскрывают, лишь просвечивают. Только не вздумайте признаться, что везёте колбасу или ещё что-то из продуктов – конфискуют. А так – везите что хотите, им всё равно.

И действительно! На родной Хабаровской таможне пассажиров их борта два часа перетряхивали, потом столько же бдительные пограничники изучали паспорта счастливых путешественников. А в Харбине все рубежи пролетели мухой, даже не притормозили! Пять минут – граница пройдена!

... Ну, здравствуй, мама-Азия! Как же приятно было «меридиановцам» увидеть простецкое круглое лицо Сюя за разграничительным барьером аэропортового фойе! Их партнёр семафорил руками и аж подпрыгивал от радости! Здорово!

Настроение «российской стороны» ещё больше подлетело, когда подошли к встречавшему их микроавтобусу: настоящий «мерседес», леворукий, новьё, даже сиденья ещё в целлофане. Встречают как дорогих гостей! А гости, хоть и устали от изматывающей душу и тело дороги, да и порядочно проголодались, подпрыгивали от возбуждения: вот она, заграница!

День за окнами «мерседеса» уже заканчивался, над дорогой висели ранние сумерки. А по сторонам – мёрзлые комья земли на полях, распаханых в зиму абсолютно ровными, как под линейку, рядами. Правильная геометрия полей то и дело перемежалась и оживлялась дисциплинированно выстроенными деревьями с одинаковыми домами: кирпичные стены, железные крыши – солидно! Но скучно: ни деревца вокруг деревень. Голо. Только вдоль шоссе, идущего в город, парадные ленты щетинистых кустарников.

Скорость микроавтобуса заметно упала: на подъезде к городу прибавилось количество участников дорожного движения.

– Смотрите, ослик! – по-детски заверещала простодушная Инна.

На пустой тележке, которую по встречной полосе резво тащил ослик, восседал погонщик, укутанный в зелёный крытый тулуп. Изо рта погонщика при выдохе густо валил белый морозный пар, хозяин ослика помахивал кнутом – скорее для порядка, чем по надобности. А может, напоминал своей животине, что дома их ждёт сытный ужин и неплохо было бы поторопиться – мороз-то крепчает!

Следом за осликом цокала копытами узкомордая поджарая невысокая лошадка с длинными острыми ушами. Какая же она смешная! Лошадиная летучая мышь.

– Ой, а это кто? – спросила почему-то Инна.

– Мул. Смесь жеребца с ослицей, – объяснил Тимур Аркадьевич.

В повозке, которую бодро катил мул-летучая мышь, на длинном деревянном ящике качался в такт бегущим по асфальту колёсам и цоканью лошадиных подков другой возница – в синих сумерках он показался Эмме точной копией погонщика ослика: в таком же просторном зелёном тулупе, надвинутой по самые брови шапке-ушанке с завязанными под подбородком тесёмками и с кнутом в руке.

– По дороге, стук да стук, едет крашенный сундук, – кивнула Тамара Георгиевна на проплывающую мимо «мерседеса» повозку с деревянным ящиком и зелёным седоком.

– Да это скорее моряцкий рундук, чем сундук, – поддержала разговор Эмма.

– Возвращаются, видно, с уличного вечернего рынка. Крестьянам разрешено бесплатно торговать своей продукцией прямо с телег, – предположил Тимур Аркадьевич.

– Чем они могут торговать зимой? – переспросила Инна.

– Мясом скорее всего. Свинина, куры, гуси.

– И пекинские утки! – завершила список Тамара. – Мечтаю попробовать пекинскую утку, говорят, сказочно вкусно!

– Тамара Георгиевна, только не про еду! – взмолилась Эмма, у которой от голода уже сводило желудок.

Гастрономические мечты членов делегации прервал грубый швырок вперёд: водителю пришлось резко затормозить, потому что прямо перед капотом возникла огромная гора, прикрытая брезентом: это на главную дорогу с просёлочной вынырнул грузовик и как ни в чём не бывало попыттел впереди «мерседеса». Водитель выругался, но как-то вяло: скорее по привычке, чем со зла.

– Для них что, правила не писаны? – возмутилась Тамара.

– А, – махнул рукой Тимур, – тут ездят, как кому вздумается.

– Наши братки такого ездуна вытянули бы из машины за шиворот и так накостыляли, что помнил бы потом всю жизнь, как надо ездить, – хмыкнула Инна.

– Здесь так нельзя. К крестьянам и прочему трудовому люду партия велит относиться уважительно. А главный у них на дорогах – велосипедист! Положено уступать, – объяснил Тимур Аркадьевич.

Микроавтобус пополз совсем медленно: въезжали в город, начинался час пик. С пригородной автострады они воткнулась в перекрёсток, в центре которого – круглая клумба с голым, чётко стриженным кустарником. Круговое движение. И в этот круг со всех четырёх сторон втискиваются легковые машины, грузовики разных мастей и размеров, пассажирские автобусы, велорикши, тележки с осликами, мулами, всех их лихо подрезают велосипедисты, седоки на мотороллерах. «Смешались в кучу кони, люди!» А перед тем, как влезть в этот людской и машинный водоворот, все отчаянно сигналият – предупреждают о своём появлении. Только никто внимания не обращает на предупреждения – начхали и всё. Какие тут правила? Нет никаких правил! Эмма в ужасе закрыла глаза: сейчас же раздавят!.. Это резко выскочил перед высоким пассажирским автобусом велосипедист, грозно прочирикав звонком своей лайбы: попробуй тронь меня! Водитель автобуса по тормозам, мощно обматерил лихача клаксоном – а что толку? И разъехались. Никто никого не раздавил. Как они умудряются? Ведь все разъезжаются! Даже не царапают друг друга! Миллиметровщики. Истеричный вой сирен легковых автомобилей, солидное фафаканье пассажирских автобусов, грозный рык грузовиков, отвратительно высокий в своей слитности звук велосипедных звонков – грандиозный бардак! И этот бардак достиг апогея. Получился такой крутой замес, что все встали. Пробка. Конечно, будет пробка, когда никто никого не пропускает, а с боков подпирают всё новые и новые «участники движения». Водитель пассажирского автобуса не выдержал, психанул: перевалился через бордюр и пошпарил прямо по тротуару! А пешеходы даже не возмущаются, расступаются.

Сюй, пользуясь вынужденной задержкой, решил заполнить паузу разговором с Тимуром. Но стояли совсем недолго – чудеса! Как китайцы в таком бедламе умудряются двигаться вперёд? Эмма крутила головой, рассматривала улицы и переулки за окном «мерседеса». Какой же Харбин серый, мрачный! Тяжёлый. Сплошной железобетон. И жилые дома тоже из бетона. В некоторых многоэтажках уже горит свет – лампочки под потолком. И ни на одном окне нет штор. А вон ряд фанз! Глинобитные вросшие в землю домишки, покрытые серой старинной черепицей – как древние вещи патиной. В крайней фанзе распахнулась дверь, а за ней – сразу

комната. Одна-единственная. Земляной пол. Мебели никакой, лишь в углу широкий низкий настил, что-то вроде топчана; делается он из кирпича, с проходами для тёплого воздуха и дыма из печки. Называется это сооружение каном. На нём спит вся семья. Неужели китайцы так живут до сих пор?

Летом, наверное, городская картина была бы более привлекательная, а сейчас... Чёрный снег на обочинах, всё в сизом дыму выхлопных газов, прижатых морозом к земле. Навстречу «мерседесу» ветер гонит удушливый дым из кочегарок – ого сколько труб! Внутри автобуса крепко запахло. Водитель спешно перекрыл забор воздуха.

– Смотрите, красные фонари! – кивнула в окно микроавтобуса Инна Петровна.

– Это не то, что вы думаете, – рассмеялся Тимур. – Там харчевня. Два фонаря – не очень высокого разряда. Чем больше фонарей, тем выше разряд. У хорошего, дорогого ресторана может быть и восемь фонарей. Но и они не всегда говорят о качестве кухни.

– А как узнать, где вкусно готовят? – опять взялась Тамара Георгиевна за гастрономическую тему.

– Смотрите, вон два рестораника, две харчевни без всяких фонарей. Здесь окраина и люд живёт простой, в основном рабочие. Это дешёвые харчевни. Но в одной все столики заняты, а в другой всего пара посетителей. Вот и ответ на ваш вопрос. Кстати, бывает, что в обычной харчевне готовят лучше, чем в дорогом ресторане.

– И что, во всех ресторанах готовят, как у нас, одинаковые блюда? – продолжала расспрашивать Тимура Тамара Георгиевна.

– Что вы! – возмутился Тимур Аркадьевич. – Китайская кухня – самая разнообразная в мире! В ней только основных направлений, основных кухонь – четыре! Кантонская, сычуаньская, шаньдунская и дунбэйская, то есть северо-восточная. А ещё есть дунганская, мусульманская.

– И чем они различаются? – не унималась Тамара.

– Это лекция на три часа! – рассмеялся Тимур. – Но если совсем кратко: кантонская, то есть южная, – кисло-сладкая кухня, много делается на пару, не жарят, а томят. Шаньдунская – в основном нейтральная, всё жарят на большом огне в кипящем масле. Сычуаньская – очень острая, терпкая. Дунбэйская или северо-восточная – это кухня китайских переселенцев с разных провинций, поэтому в неё входят все три основные кухни. О, кажется, приехали! – закончил лекцию Тимур Аркадьевич. – Господин Сюй решил нас сначала накормить, а потом уже отвезти в гостиницу. Возражения есть?

– Нет! – дружно ответила голодная делегация.

Господин Сюй толкнул дверь ресторана, приподнял тяжеленное ватное подобие одеяла, закрывавшего вход в харчевню, пропустил всю компанию вперёд – шум, ударивший им в уши, был таким насыщенным, плотным, горячим, что мог заставить зазвучать целую базарную площадь. Звуки рвались на улицу: тесно им было в небольшом помещении. Посетители харчевни галдели так, как галдят на переменах младшие школьники, искренне и открыто выплёскивающие накопленную весёлую энергию. Вместе с шумом усталых путников встретило влажное от кухонного пара тепло. После долгой – длиной в целый день! – дороги и морозной уже тёмной улицы очутиться в хорошо натопленном, ярком помещении – благодать! Свет резанул глаза, а по носу шарахнуло запахами! Знакомыми-незнакомыми, ароматными и такими зазывными, что Эмма почувствовала, как дрогнул желудок. В запахах солировала одна яркая, сочная, необыкновенно вкусная нота какой-то приправы – с ума можно сойти! От предвкушения и ожидания. Но – свободных мест в зале харчевни не было!

Делегация во главе с господином Сюем затопталась у стойки бара: бармен, он же кассир, попросил подождать, пока приготовят для них кабинку. Русские гости с любопытством оглядывались: как всё необычно! Столики стоят впритык друг к другу, но едоки ведут себя так, будто их компания здесь одна-одинёшенька. Курят – под потолком висит сизый дым – и мусо-

рят! Кости, кожуру бананов, мандаринов, шелуху от семечек, окурки – всё на пол. А как же тут орут!..

В центре зала за сдвинутыми столами сидели человек семь мужчин. По виду не крестьяне и не рабочие – лица не обветренные, руки не утомлены физическим трудом. Одеты недорого, но опрятно. И все разговаривают. Голоса свободные, расслабленные, хмельные – вон, под столом уже целая батарея пустых пивных и водочных бутылок. Только шесть часов, а уже разогреты! Вдруг эта компания примолкла – слово взял самый старший, лет сорока. Взъерошенные чёрные волосы, мелкий подбородок под сочными губами, необычно круглые для восточного человека глаза, коротконогий и короткорукый. Видно, он сегодня банкует, угощает друзей – таким повелительным, поучающим тоном заговорил этот китаец с сотрапезниками. А как громко... То поднимает голос до самых высот, то плавно поёт, а то вдруг бросает звуки, слоги, как камень с размаху. Китайский язык! Да, он такой. И на этом же умопомрачительно музыкальном и громком языке говорят за всеми столиками – кто кого переорёт. Оглохнуть можно!

М-да, публика здесь не очень презентабельная. Да и харчевня не отличалась изыском убранства. Разве что витрина бара могла привлечь внимание: затейливыми фарфоровыми и керамическими сосудами, яркими подарочными коробками; внутри всего этого богатства была, конечно, водка. Китайская водка. Для посетителей с тощим кошельком выставлен ряд бутылок зелёного стекла – от литровых и более до стограммовых флакончиков. Но внимание русских гостей привлекло не это разнообразие, а здоровенная бутылка на стойке бара. У бутылки внизу торчал кран. А в ней самой – чего только не было! Корень женьшеня, маленькие оленьи панты, трепанги, ещё какие-то коренья, оранжевые ягоды.

– Мать честная, смотрите, змея! – вскрикнула Инна Петровна. – Гадюка!

– Она заспиртованная, – успокоил её глава советской делегации. – И настойка эта полезная – чудеса творит. Предлагаю в качестве аперитива пропустить по рюмочке, взбодриться. Нет, за стойкой бара, без закуски, здесь пить не принято. Подождём, пока нам сервируют стол, а потом...

Лучше бы Тимур не упоминал о закуске! Как ни старалась делегация отводить глаза, не тарашиться на столы, заставленные огромными тарелками с едой, эта еда так нагло, ароматно дышала, валила таким съедобным паром из фарфоровых супниц, беспардонно и задорно, посковородному шкворчала и брызгалась, что мысль могла быть у российских гостей одна-единственная: заглотишь бы! да хоть попробоваться! чуть-чуть! Ладно бы еда выставочно и безмятежно разлеглась по тарелкам и так бы полёживала – нет! Она исчезала! Добротные куски мяса, облитые тёмным соусом, ломтики жаренной до золотой корочки рыбы, кусочки овощей в чём-то прозрачном желе – да бог мой, разве можно перечислить всё, что ловко ухватывалось бессовестными палочками и заталкивалось в разинутые рты! Ждущим своей очереди на посадку гостям оставалось только слюнки глотать. Ну, можно ещё провожать глазами дефилирующих меж столиками официантов с подносами, заставленными вкуснотищей – не всё ж во рты посетителей заглядывать. В том, что еда вкусная, сомнений не было: чавканье и причмокивание едоков, их довольные лица подтверждали это на все сто. А безопаснее всего было – не так травматично для изнурённых организмов – разглядывать самих официантов.

К ближнему столику подошла официантка и встала в ожидании, когда гости что-то обсудят и рассчитаются за ужин. Надо же, сама непосредственность! Зевает, почёсывается. Как вам приспущенные чулки или колготки на европейской девушке? Не комильфо? А у этой девчушки колготки не просто приспущенные, а ещё и закручены в складки. Форменное платье не по размеру, плечи висят. Низкорослая, коренастая, крупнорукая, жёсткие волосы торчком, круглое простодушное лицо с узкими маслинами глаз и с кожей на вид такой плотной, будто это дитя никогда не гримасничает и морщинки грозят её мордочке эдак лет через сто. Из деревни? Похоже, все официантки в этой харчевне из одной деревни, только те, что постарше, уже успели

пообтесаться. А форма на всех сидит одинаково, как попало. Может, кто-то из девушек выглядит нелепо, как вон та толстушка в тесном платье, или смешно, как эта милая непосредственная девчушка, но только не безобразно! Напротив, даже с детской неуклюжей трогательной грацией. Восточной грацией. И как им это удаётся?

Фу, наконец-то закончилось истязание ожиданием! Их кабинка готова. Уселись за стол – круглый, на восемь персон, с крутящейся серединой – для удобства. Чтобы не тянуться через соседей за понравившимся блюдом. Крутанул стеклянную серединку – вот оно, что так жаждал скушать! И начался главный китайский церемониал, к которому жители Поднебесной подходят очень серьёзно и ответственно – выбор еды!

Пожалуй, трудно назвать какую-либо страну мира, где с таким благоговением и уважением, как в Китае, относятся к приему пищи. Среди утренних китайских приветствий есть и такое: «ты ел или не ел?» Если заграничный гость, смущаясь и оправдываясь, скажет, что не успел позавтракать, китайский партнёр, не принимая никаких возражений, потащит его в ресторан – кормить. Еда – это святое!

Тимур Аркадьевич и господин Сюй увлечённо обсуждали меню, время от времени спрашивая мнение делегации. Что желают поесть гости? Мясо? Да! Тушёное, жареное на сковороде или... Любое! Рыба? Да! Грибы? Может, ещё вот это и это, это на горячее? Да, да, да! Холодные закуски...

– Блюдов должно быть не менее восьми, так что не стесняйтесь, выбирайте, – приободрил голодающих глава российской делегации.

– А почему именно восемь? – поинтересовалась почемучка Инна.

– Это счастливое число, иероглиф обозначает богатство. Восемь человек за столом, восемь блюд.

– Скажи, чтоб быстрее принесли салат с визикой и настойку, – перебила Эмма Тимуров экскурс в китайскую культурологию. – Надо взбодриться, а то мы тут рухнем от усталости.

– Дунбэйский салат⁵ вилок не зацепишь, поэтому, дамы, смотрите, как нужно брать палочки! Ничего сложного! Концы ровные, пальцы прямые, двигается только указательный! Учитесь!

Пока дамский коллектив «Меридиана» с воодушевлением щёлкал клювами, в которые почему-то неизменно складывались палочки, подоспел салат. Острый запах чеснока – с щедрой нотой кунжутного масла – вперемешку с кинзой и пряным ароматом яблочного уксуса заполнили небольшое пространство кабинки.

– Ух! Вот это да! – не сдержалась Инна Петровна.

– Принято начинать трапезу только тогда, когда вынесут не менее четырёх блюд... – начал нудить церемонимейстер Тимур.

И тут официантка, та самая, смешная, принесла поднос с настойкой.

– Хватит нам китайских церемоний! Наливай! – скомандовала Эмма.

А рюмочки-то, рюмочки – махонькие, граммов на двадцать пять.

– Китайцы пьют водку только из таких, – предупредил Тимур. – Русским обычно ставят стаканы. Ну что, взбодримся? – скосил насмешливый глаз Тимур Аркадьевич на членов своей делегации.

– А то! – храбро откликнулась Инна Петровна.

И про змею почемучка забыла? Эмма сделала глоток – плотная, отдающая масляным привкусом какой-то живности настойка наполнила рот, медленно-медленно скатилась вниз, жаром охватила пустой желудок. Оп! А ведь и правда! Куда усталость делась? Эмма глянула на сидящих справа Инну и Тамару: щёки у обеих порозовели, глаза заблестели. Воспряли духом!

⁵ Этот салат ещё называют Харбинским.

Только успели непослушными палочками закусить змеиную настойку, к их компании присоединились ещё трое – сынок, Сюй-младший, следом за ним – солидный суровый китаец лет пятидесяти – в дорогом костюме, с чётким пробором в крашенных волосах, – и молодой, лет тридцати, невысокий, спортивный, с быстрым умным взглядом. Пожилой оказался партийным районным руководителем, завотделом по пропаганде, а молодой был работником внешне-торговой компании. Оказалось, русских гостей встречают официальным банкетом. И речами. Сначала партийный руководитель. И будто ушат холодной воды на них вылил. Тимур переводил, сохраняя невозмутимость на лице: «Хэйлунцзянская компания международной торговли приветствует российскую делегацию...» Начало хорошее. А вот конец речи! «Между китайским и российским государством могут устанавливаться только сугубо партнёрские, торговые отношения. Ни о какой дружбе речь не идёт». Хм, а как же «Москва-Пекин, дружба навеки»? Отрекаются? Если бы не улыбочное, тёплое лицо Сюя-старшего, российской делегации было бы совсем кисло. Пришлось терпеть: когда дают товар в кредит, ещё и не такое проглотишь. И то: что значит какой-то ушат холодной воды, когда их ждёт кулинарное пиршество!

Только партаппаратчик закончил свою заунывную речь – дверь распахнулась и в кабинку один за другим стали входить официанты, высоко, на уровне плеча, держа подносы. И с этих подносов к ним на стол начали пикировать огромные тарелки! Одна аппетитнее другой! Еда! Горячая, запашистая, о-очень увлекательная! Вела она себя теперь правильно и отправлялась туда, куда нужно. И неважно, что неуклюжие палочки щёлкают клювами – лишь бы цепляли хоть что-нибудь, хоть самую малость!

А Тимур ушата как-будто и не заметил, завязал с Ваном – так звали сурового китайца – энергичную беседу. Что он Вану говорил – бог весть, но постепенно «пропаганда» оттаяла. А может, это китайская водка размягчила её.

Пока глава российской делегации вёл светские беседы с Ваном и Сюем, время от времени притрагиваясь к еде, рядовые члены этой делегации, постепенно поднаторевшие в управлении палочками, уплетали её за обе щеки. В конце трапезы господин Сюй поинтересовался, наелись ли гости или ещё что-нибудь заказать? Видно, это такая форма вежливости. Эмма решила пошутить:

– Сесе! Дуцзы чибола, яньцзин мэю чибола⁶.

Китайцы обрадованно вскинулись: ого! Эмма говорит по-китайски! И стали ей что-то наперебой тараторить. И зачем было хвастать знанием чэньюй⁷? Эмма глупо улыбалась и толкала локтем Тимура: переведи, что сказали!

Но в Эмминой шутке шутки и не было. Действительно, это ж не еда, а услада! – высшее наслаждение и отрада, жаль, нет запасного желудка. Инна Петровна как будто услышала мысли Эммы:

– Может, мы хоть рульку заберём? Яблоки в глазури?

– А мне фаршированные баклажаны понравились! – поддержала её Тамара Георгиевна. – Надо же, зима, а тут столько свежих овощей!

– А мне... – подхватила эстафету Эмма, но Тимур Аркадьевич, спокойно улыбаясь, всё ж сквозь зубы проговорил:

– Дамы! Не увлекайтесь. Благодарим и уходим.

– Да мы бы в гостинице ещё поели! – не успокаивалась мясоедка Инна, с вождением глядя на рульку в соевом соусе и на чуть подъеденную говядину в сковороде.

Тимур Аркадьевич, всё так же сохраняя расслабленность на лице, процедил:

– Всё, что понравилось, ешьте здесь.

⁶ Спасибо, живот сыт, а вот глаза ещё ели бы да ели. (искаж. кит., фраз.)

⁷ Чэньюй – китайские фразеологические выражения.

И начал двигать стеклянный круг. Подвинул. Взял палочки, намереваясь поухаживать за дамами. Китайцы довольно улыбались: гостям понравилось угощение. Это для хозяев застолья лучшая похвала. Но дамы замахали руками: нет-нет! Мы наелись! Тимур успокоился и примирительно сказал:

– Мы же только приехали. Много ещё будет ресторанов и всякой еды. Наши кулинарные приключения только начинаются!

– Да мы не от жадности! – простодушно оправдывалась Инна Петровна. – Всё такое необычное, аппетитное. Жалко оставлять.

Тимур не выдержал, рассмеялся:

– Как только вы принялись бы доедать рульку и всё остальное, Сюй заказал бы ещё пару блюд. Если тарелки на столе пустые, значит, гости голодные. Мы так до утра здесь застрянем!

* * *

Каштанки много съели! И, конечно же, опьянели. Отяжелевшие, чуть живые от обильной, непривычно-сногшибательно-вкусной еды и усталости, Каштанки добрались наконец-то до гостиницы. Водитель «мерседеса» притопил педаль газа, взлетая по крутой дорожке к парадному входу. Не успела открыться дверь автобуса, как по обеим её сторонам уже стояли два мальчика-боя – в красных форменных пальто, того же цвета смешных фесках на головах и – в белых перчатках! Первый юноша подал руку Эмме, помогая ей выйти из автобуса. Почему-то левую. А правую? А правую он прислонил к верху дверного проёма «мерседеса» – чтобы выходящая пассажирка не стукнулась головой! Умереть и не встать. Вот это сервис! Пока первый бой помогал пассажирам выйти из автобуса, второй выгружал багаж и складывал его на тележку. Две минуты – «мерседес» скатился с горки, уступая место у парадного входа такси.

– Ого! Вот это отель! Как за границей! Прямо Нью-Йорк! – Инна Петровна, по-детски наивно приоткрыв рот, легла затылком на загравок, пытаясь достать глазами верхние этажи гостиницы.

– Мы и так за границей, – рассмеялась Тамара Георгиевна.

М-да, не хухры-мухры: тут этажей тридцать; облицовка из тёмного стекла изнутри пропускала неверный мерцающий свет, который сливался с бликами уличных фонарей. В темноте ночи здание, искрясь и переливаясь, будто парило в воздухе. Крутящийся круг двери, поделённый на две половины, озадачил: он же не останавливается!

– Дамы, успеваем, успеваем... – подбодрил Тимур свою делегацию. – Шагайте же!

А дамы и про усталость забыли – захихикали, неуклюже втискиваясь в полукруглое пространство. Вот, вывалились! И не застряли! Огляделись.

Холл гостиницы подавлял размерами и великолепием: с высоченного, в пять этажей, свода опускалась огромная хрустальная люстра с мириадами острых лучей, которые дробились, пересекались и высекали новые и новые яркие звёздочки – шар бенгальского огня! Вверх по стенам один за другим карабкались ярусами антресоли, украшенные балюстрадой из чёрного дерева. За стойкой такого же чёрного отполированного дерева – хоть смотришь, как в зеркало, – мило улыбались две красавицы – одного роста и комплекции, изящные, как манекенщицы, в красных форменных костюмах. Пока Тимур заполнял анкеты, женская половина делегации решила поглазеть: что тут ещё необычного?

– Ой, смотрите, настоящий пруд! – заойкала Инна. – Давайте на мостик! – кивнула она головой в сторону деревянного горбатого, как на китайских акварелях, миниатюрного сооружения. – По камушкам, по камушкам!

Пруд оказался мелким. Чтобы не утомлять постояльцев обходными тропинками, из воды торчали пешеходные камни, а вокруг них вились, лениво обмахиваясь веерами хвостов, золотые рыбки! Размером с хорошего карася. Зона пруда заканчивалась ажурной китайской шир-

мой – произведение искусства, не иначе! А за ширмой – уголок древности: лакированный стол из красного дерева и кресла уникального китайского стиля. На столике – ваза Танской династии с тонким пейзажным рисунком. Вдоль стены пристроились стеллажи с нефритовыми фигурками. Нефритовая Гуаньинь⁸! Есть на что посмотреть.

Но услада здесь была не только глазу, но и уху: с противоположной стороны холла раздались звуки рояля – зазвучала меланхоличная «Лунная соната».

– Пошли послушаем! – подхватила Тамара Георгиевна, у которой кроме других образований было ещё и музыкальное.

Пианист был по-европейски безупречен: набриллиантенный блеск волос, фрак с манишкой, бабочка. Лёгкие и мягкие руки. Как быстро китайцы перенимают всё лучшее!

...Наконец-то можно бухнуться в кровать! Вот она, королевская, широченная, белоснежная! Не кровать, а взлётная полоса для сладких снов!

Но выспаться им на этот раз не удалось. Через улицу – большая стройка. Котлован размером с пять кварталов, куча техники. Оказывается, в Китае строят и по ночам, зато быстро. А каково жильцам этого района? Если всю ночь ухают пушками сваезабивочные машины и режут двигатели самосвалов: грунт разрешено вывозить только ночью, чтобы не мешать дневному движению. Часам к трём Эмма с Тимуром кое-как заснули, но ненадолго: снизу, с улицы, раздались протяжные и очень громкие крики. Звучало несколько голосов попеременно. Один заканчивал свою ругань – очень высоко, очень выразительно и распевно – вступал не менее звучный баритон, следом – юношеский сильный голос выпевал свою часть текста.

– Они что, сдурели? – не оценила сценические таланты глашатаев Эмма. – Чего так орут?

– Товар свой предлагают, – широко зевая, ответил Тимур.

– Какой товар, ночь на дворе!

– Да утро уже, утро. Половина седьмого. У нас в Хабаровске половина девятого.

– И что они предлагают?

– «Точу ножи, ножницы», «свежий тофу», «яйца к завтраку», – перечислил сонный Тимур.

– Ножи с ножницами я бы дома не отказалась поточить. Вечно все тупые. Жаль, у нас нет бродячих точильщиков. Слушай, а ведь красиво кричат. Голосищи-то, голосищи. Им бы армии в бой поднимать, а они с такими талантами по дворам шатаются, – совсем уже проснулась Эмма.

– Всё, встаём, – подскочил и Тимур. К восьми подойдут китайцы, поедем на завтрак.

– А мы что, сами не можем позавтракать?

– Нет, здесь так принято.

– Ты только скажи Сюю, что в этой гостинице мы не останемся, не хватало нам ещё бессонных ночей. Пусть другую ищет, какую угодно, но чтоб тихо было!

Сюю долго извинялся и объяснялся: в городе проходит международный фестиваль ледовых скульптур, гостиницы забиты.

– Да хоть какую, пусть даже у чёрта на куличках! – взорвалась Эмма.

– Говорит, можно найти только старую.

Эмма уже знала, что такое «старый отель» в Китае. Тимур рассказывал. Китайцы обычно не утруждают себя ремонтами, пользуют хоть автомобиль, хоть какие-то здания – ресторанов, гостиниц, офисов – до тех пор, пока штукатурка не начнёт сыпаться на голову. Вид у таких бедолаг совершенно жуткий. Поэтому и принято в Поднебесной останавливаться в новых отелях, питаться в новых ресторанах.

Старая гостиница нашлась, и не абы какая – «Хуа Цяо» – отель китайских эмигрантов. Олицетворение милой китайскому сердцу родины: вздёрнутые края крыши – в Поднебесной

⁸ Гуаньинь – китайская фея.

всё должно стремиться ввысь, – в холле обстановка древнего Китая: вазы, ширмы, веера. И это не антураж, как в новомодных гостиницах, все вещи подлинные, старинные. И пахнут древностью. Отель тоже изрядно поношенный – усталые обои, пыльный ковролан, который знаком с веником, а не с пылесосом. Но все неприглядности и неудобства покрывались прекрасными завтраками. Это была поэзия! Действительно, почему не воспеть в поэме, как из таинственного чрева, где свершается волшебство, распаивается дверь и вереница официантов в белых пиджаках выкатывает двухъярусные тележки? Торжественный выход знаменитой кантонской кухни! Все головы присутствующих, как по мановению волшебной палочки, поворачиваются к двери, из которой появляется вереница. И вот теперь нужно успеть разглядеть, что же там везут. Не проплыло бы мимо! Но господин Сюй буднично, кивком головы, останавливает одну тележку, другую: выбирайте! Да как тут выберешь: в бамбуковых пароварках – крохотные прозрачные пельмешки, позы, куриные лапки, тут же – масса миниатюрных тарелочек с махонькими порциями всякой всячины.

– Надо же, как удобно: за счёт маленьких порций можно попробовать всё, что захочешь! – удивилась кантонской сообразительности Тамара Георгиевна. – А это что такое тёмное? – спросила она Тимура.

– Это яйца. Их обмазывают смесью извести и золы тутового дерева и хранят в земле в глиняных горшках, пока яйца не пройдут ферментацию и не станут прозрачным белок. Возьмите, они почти без запаха!

Пока партнёры разбирались с яйцами, господин Сюй молча поставил перед ними по чашке – то ли густого супа, то ли жидкой каши.

– Это обязательная программа, китайский завтрак немыслим без жидкой каши, – предупредил Тимур Аркадьевич. – Залог здорового желудка. Очень полезным китайцы считают и ментан – мучной бульон, который остаётся после варки пельменей. В Китае есть харчевни, где пельмени варятся в одном и том же ментане много лет; воду туда, конечно, добавляют. Такой навар считается лечебным. Есть притча, как один прохожий съел пельмени, а от ментана отказался. И вот через несколько лет этот человек вернулся в ту же харчевню – худой, сгорбленный, больной. И хозяин ему сказал: «Если бы ты тогда выпил ментан, был бы здоров».

– Ладно-ладно, будем кашу есть! – согласилась Инна Петровна.

Эх, как же Инна пожалела об этом согласии, когда в проходе рядом с ними остановилась тележка – с пирожными! Мамочка дорогая, да сколько же тут видов этих миниатюрных лакомств! Заварные, песочные, сладкие рисовые колобки, крохотные пирожки с красной сладкой фасолью, бисквиты с кремом... Глаза никак в кучу не соберёшь! И где же теперь всё это поместить?

– Инна, шикуюем! – засмеялась Тамара Георгиевна, тоже сладкоежка. – Чаю нам, чаю! Эмма, а ты что не берёшь?

– Тамара Георгиевна, вы же знаете, мне лучше кусок мяса или колбасы, чем тортики да пирожные, – отмахнулась Эмма.

... Да, Китай – это жрачка, – подвела глубокомысленный итог роскошному завтраку Инна Петровна. – А, худеть дома будем!

* * *

Что может быть скучнее коммерческих переговоров? Только бесконечное ожидание, когда же они закончатся. Китайские партнёры обожают официоз: сняли помещение для переговоров, на столе – искусственные цветы, чайные чашки с крышечками. Церемония рукопожатий и приветствий. Уселись. Гостей обычно рассаживают лицом к двери, это знак уважения и доверия. Так в Поднебесной издавна повелось: чтобы гость видел, кто входит, и не опасался за свою жизнь.

Эмма уже знала, что сейчас последует: китайцы долго и дотошно начнут расспрашивать, где Тимур так хорошо выучил китайский язык, кто его родители, откуда они родом, живы или нет, сколько им лет, какая у Тимура Аркадьевича семья и так далее. Это минут на сорок. Эмма спокойно пережидала, когда закончится эта обычная для Тимура преамбула, а Тамара Георгиевна с Инной Петровной, впервые участвующие в коммерческих переговорах, с серьёзными и значительными лицами, как и подобает членам делегации, пытались понять, что происходит. Тимур Аркадьевич между тем беспечно, без напряжения беседовал с китайцами, похоже, уже какие-то байки начал им травить. Китайские партнёры охотно смеялись, официоз потихоньку с них сползал. Инна Петровна начала ёрзать: деятельная натура главбуха не привыкла к бесцельной трате времени.

А теперь к делу:

– Тамара Георгиевна, ведите протокол переговоров, – дал команду Тимур Аркадьевич. – Инна Петровна, какая в Хабаровске среднерыночная цена за коробку пива? Нам предлагают вот такую. Это ФОБ⁹. Посчитайте.

Пересчёт контрактных цен в национальной валюте – дело непростое. Потому что нужно перевести юани в швейцарские франки – валюту международных бартерных контрактов, – затем швейцарские франки перевести в доллары, и только потом, по текущему курсу, добраться от долларов к рублям.

– Угу. Не влезает, – скосив глаза на записи главбуха, сделал неутешительный вывод генеральный директор.

И глава советской делегации вступает в долгий торг. Напоминает, что контракт бартерный, товар компания получает в кредит. Это значит, что «Меридиан» сначала должен продать пиво, собрать за него деньги и только потом закупить и поставить китайской стороне означенное в контракте количество металла. При такой неконкурентной цене придётся «меридиановцам» торговать пивом года три. Готовы китайские партнёры ждать так долго встречных поставок? А если ещё учесть, что срок реализации замечательного пенного напитка известной уже далеко за границами Поднебесной марки «Циндао» всего лишь шесть месяцев, то вопрос встаёт всеми рёбрами: зачем «Меридиану» работать себе в убыток? Сделка провальная. Вот только китайцам все резоны партнёров безразличны.

Настал черёд китайской стороны «петь страдания» о тяжкой доле их, поставщиков-закупщиков: советская сторона должна понимать, что крупные контракты заключаются за полгода до начала поставок и завод требует стопроцентной предоплаты. Замораживать такую крупную сумму на долгий период невыгодно, а ведь эти деньги банку ещё и возвращать надо, с процентами. Любой русский коммерсант, выслушав эту песню, задаст резонный вопрос: если сделка настолько невыгодная, зачем вы на неё идёте? Но Тимур Аркадьевич не задаёт таких нелепых вопросов, потому что знает: ответа не будет. Китайцы переведут разговор на другую тему и вернуть их из словесных кружевных поднебес на реальную землю будет трудно. А потому мудрый Тимур по второму кругу раскладывает свои доводы. Заканчивает он долгую, как и принято в Китае, цветистую речь своей любимой присказкой: хочешь разбогатеть сам, дай разбогатеть своему партнёру.

Но китайцы слышат только то, что хотят услышать. В общем, глухие, как пробки. И переговоры продолжаются: стороны в небольших вариациях исполняют свои с каждым разом всё более заезженные арии. Лица у главных переговорщиков спокойные и даже довольные: работа кипит! То есть стоит на месте.

Чжан, представитель Хэйлунцзянского внешторга, глава китайской делегации, успокаивает Тимура:

– Вы свою прибыль получите за счёт встречных поставок арматуры.

⁹ Международный логистический термин. Обозначает доставку товара до границы покупателя.

Хм, шустряк. Они-то прибыль получают двойную: и на пиве, и на реализации металла. А советская сторона? При нынешней галопирующей инфляции кто может поручиться, что металлопрокат в СССР не подскочит в цене за полгода процентов эдак на триста? И торг продолжается. Ровно до того момента, когда обе стрелки часов не сойдутся на двенадцати. Переговоры переговорами, а обед для китайцев – дело святое! Как по команде, мгновенно с лиц переговорщиков слетает напряжение, теперь они – добрые приятели, чуть ли не друзья. Тимур умеет вызывать к себе симпатию, опять что-то беспечно болтает, китайцы улыбаются, поддакивают. Ух, можно выдохнуть. Но только на время обеда.

Трудолюбивые китайцы, ничего не скажешь. И упорные. Но зачем час за часом твердить одно и то же? Мозоли они себе на языках ещё не натёрли? Марафонский забег, а не переговоры. Вот почему китайская сторона выставила спортивного Чжана в качестве главы делегации! Молодой, выносливый, нервы железные. Пять часов длится этот словесный пинг-понг, а Чжан свеж, как июньский персик на дереве! Вон чаёк зелёный потягивает да глаза жмурит – слушает – который раз? – Тимурову отповедь. Игра такая? Тимур закончил, в двух словах перевёл женской делегации смысл своего спича и тоже взялся за чай. Мог уже и не переводить. Глядишь, ещё дней пять таких переговоров и дамы смогут повторить по-китайски всё, что говорит их начальник. Попугай заговорит! Но всё когда-нибудь кончается. Закончился и этот переговорный день.

– Завтра продолжим обсуждать цену на пиво, – подвёл рабочий итог Тимур Аркадьевич. – А теперь нас приглашают на ужин. В ресторан караоке. Китайцы любят петь наши песни. Тамара Георгиевна, ваш выход. Споёте с ними «Катюшу» да «Подмосковные вечера».

– Да я бы и сыграла, если будет клавиш, – оживилась утомлённая долгими и непонятными переговорами Тамара. – Вперёд, девчонки, нас ждёт чудесный вечер!

* * *

Терпение, мой друг! Терпение. Это всего лишь второй день переговоров. Марафонский забег продолжается! Посмотрим, у кого первого из партнёров дыхалка забарахлит и начнут заплетаться ноги. Только здесь – не ноги, а языки. Но пока главные переговорщики выглядят отдохнувшими и весёлыми – два свежих июньских персика. Покатались «персики» по проторённой дорожке. Катятся и катятся... Однообразно всё как-то. Тимур Аркадьевич и переводить почти перестал: зачем повторять одно и то же? Приуныл женский коллектив, как ни борись, а зевота одолевает. Но ближе к обеду на смену зевоте приходит раздражение: сколько можно?! Издеваются над ними китайцы? Не хотят подписывать контракт – так бы и сказали! Нет! Пинг-понг опять устроили! Вон Чжан навесил мяч – любо-дорого, молодец! И сам доволен своей речистостью – заважничал, сияет. А Тимур отбил! И послал ответно мяч – ого как засветил! Кончил сиять Чжан, задумался – как бы ещё что-нибудь покондибобернее завернуть. Сообразил. Словесно-мозговая дуэль главных переговорщиков продолжается. А дамский коллектив начинает недовольно фыркать: надоело!

– Слушай, девчата наши уже закипели, скоро пар в свисток пойдёт, давай их отпустим после обеда, пусть малый Суй их в магазины свозит, – по дороге в ресторан попросила Эмма мужа.

Тимур недовольно нахмурился: не по фэншую это, отлынивать от участия в переговорах. Китайцы не терпят нарушения протокола. Делегация должна работать дружно и сплочённо.

– Да ладно тебе! Протокол я напишу, – продолжила уговоры замглавы делегации. – Тем более и записывать нечего – всё одно и то же.

– Хорошо, пусть едут, – уступил Тимур.

Переговоры продолжились всё в том же пинг-понговском духе. Тимур совсем переводить перестал – нечего. Эмма сначала добросовестно пялилась на каждого говорящего, чтобы

создать иллюзию своего участия, а потом ей надоело вертеть шеей. И замглавы советской делегации принялась старательно изучать плакат на стене.

– Господин Чжан интересуется: ты умеешь читать по-китайски? – вдруг перевёл Тимур слова китайского босса.

– С чего он взял? – фыркнула Эмма.

– Да ты так внимательно изучаешь плакат, вот он и подумал.

– Нет, это я иероглифы считала от нечего делать: слева направо, справа налево, вверх-вниз. А что написано в этом дацзыбао¹⁰?

– Правила поведения в общественных местах. Сейчас проводится кампания по окультуриванию населения. Такие плакаты везде развешаны:

1. Не харкаться, не плевать в общественных местах.
2. Не справлять нужду на улице, не портить воздух прилюдно.
3. Не толкаться, становиться в очередь.
4. Не кричать, не разговаривать громко, не материться.
5. Не чавкать, не рыгать и не курить за едой в ресторанах и кафе.
6. Не мусорить.

Эмма невольно рассмеялась:

– Больше не буду «читать», а то ещё подумают, что я учусь у них правилам хорошего тона. А что, родители, школа такую культуру им не прививают?

Тимур не ответил: невежливо членам делегации вести между собой долгие разговоры.

И всё же свершилось! В конце рабочего дня в зале переговоров появился очень важный китаец из внешторга, начальник Чжана – лет сорока, с тщательно покрашенными волосами, круглым сытым лицом и полуприкрытыми тяжёлыми веками глазами – сова прижмуренная. Заметное благородное утолщение талии, дорогой костюм и массивный перстень желтого китайского золота расчётливо добавляли чиновнику солидности и респектабельности. Чжан мухой слетел с главного кресла, уступая место шефу. Эмма ушам сначала не поверила – всё повторилось с самого начала: господин Ван живо заинтересовался Тимуром; из-под тяжёлых совиных век порой прорывался острый, холодный и пронзительный свет: главу советской делегации просвечивают рентгеном? Мать-отец, где родился, учился... Может, Тимуру Аркадьевичу нужно было заполнить заранее анкету да распечатать экземпляров пятьдесят? А Тимур не тушевался, спокойно отвечал, шутил. Господин Ван даже похохатывать стал – солидно, баском: хо-хо-хо! Посмеялся важный Ван и подал пухлявую мелкую руку, вряд ли знакомую с физической мужской работой, главе советской делегации: согласны на вашу цену! Ура-ура-ура! Половина пути пройдена! Осталось пободаться с партнёрами, добиваясь вменяемой цены на металл.

И всё же какой удачный день! А то у Эммы уже закрадывалась мысль, что зря они приехали в Харбин. А теперь – если одну цену согласовали, то договорятся и по второй! «Гром победы, раздавайся!»¹¹ Тимур и Эмма поспешили в гостиницу – поделиться со второй половиной делегации хорошими новостями. А там – «веселится и ликует весь народ»¹²: Инна и Тамара подпрыгивают от радости, как две девчонки, получившие на праздник долгожданные подарки. Взахлёб, наперебой рассказывают о настоящем шопинге, когда проходишь по подземному магазину огромные километры, а вокруг всё вешала' и вешала' со всякой одеждой – бери не хочу. Море, океан симпатичной одежды, обуви! А детское какое! Прямо для принцев и принцесс!

¹⁰ Агитационный плакат.

¹¹ «Гром победы, раздавайся!» – неофициальный русский национальный гимн конца XVIII – начала XIX столетия. Композиция была создана в 1791 году Гавриилом Державиным (слова) и Осипом Козловским (музыка) на мотив полонеза.

¹² Слова из «Попутной песни». Музыка М.И. Глинки, автор стихов Н.В. Кукольник.

– Ну-ка, показывайте, показывайте! – вливает сладкий бальзам в уши своих сотрудниц Эмма Васильевна.

А они, восторженные и ошалевшие от магазинной доступности столь многих желанных вещей, не могут остановиться – хвастают покупками – себе, семье, родне. Наконец, всё перемерили, продемонстрировали, утомились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.